

18+

Алишер Токсанов

Разреженная
атмосфера — 2:
на просторах
Марса

Алишер Таксанов

**Разреженная атмосфера —
2: на просторах Марса**

«Издательские решения»

Таксанов А.

Разреженная атмосфера — 2: на просторах Марса /
А. Таксанов — «Издательские решения»,

Продолжение приключений подростка Мицар, которая вместе с друзьями, псом Варежкой и роботом Колобком отправилась на Марс. Её цель — узнать результаты терраформирования Красной планеты и использовать опыт для возрождения Земли, которая пострадала из-за взрыва сверхновой Арктура. Команда встретила зомби и экипажами из Китая и России, у которых такая же цель. Но всем нужна технология для перехода в параллельные миры, которая позволила древним марсианам покинуть погибший Марс.

© Таксанов А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. На орбите Марса	10
Глава 2. Атмосферное планирование	17
Глава 3. Посадка	27
Глава 4. Мертвый космодром	35
Глава 5. Хищник	41
Глава 6. Биология Марса	48
Глава 7. Планы Москватауна	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Разреженная атмосфера — 2: на просторах Марса

Алишер Таксанов

© Алишер Таксанов, 2026

ISBN 978-5-0071-2391-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-2392-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Три миллиарда лет назад Солнце было другим. Оно ещё не стало тем ровным и спокойным светилом, которое спустя бесчисленные эпохи будут видеть далёкие наблюдатели. Молодая звезда жила бурно и беспокойно: её поверхность кипела потоками раскалённого вещества, в глубинах рождались и исчезали гигантские магнитные вихри, а над огненным шаром поднимались протуберанцы — огромные языки плазмы, способные поглотить целые планеты. Его свет был ярче, его характер — свирепее, но именно это молодое Солнце давало своим мирам энергию для будущей истории.

Вокруг него уже сложилась семья планет. Каменные миры внутренней системы заняли свои орбиты: маленький Меркурий, обожжённый близостью к звезде; Венера, скрытая плотными облаками и хранящая под ними тайны своего будущего; Земля, ещё молодая и неустойчивая; и Марс — четвёртая планета от Солнца, которая в эту эпоху была совсем не похожа на тот холодный красный пустынный шар, каким её увидят спустя миллиарды лет.

Солнце за всё своё существование сделало всего четыре оборота вокруг центра Млечного Пути. Каждый такой оборот был путешествием длиной около двухсот пятидесяти миллионов лет. Оно вместе со своими планетами медленно плыло сквозь огромную галактическую реку — через туманности, скопления звёзд и бескрайние пространства между мирами. И где-то среди этой космической дороги маленькая планета Марс переживала свой золотой век.

Тогдашний Марс был миром воды. Океаны покрывали огромную часть его поверхности, уходя за горизонт бескрайними синими просторами. Из-за более плотной атмосферы небо казалось глубоким и тяжёлым, а облака висели над материками огромными живыми островами, постоянно меняя форму под ветрами. Дожди могли идти неделями, питая реки, которые прорезали континенты и снова уносили свои воды в океаны.

На этой планете жизнь не просто существовала — она бушевала. В глубинах марсианских морей двигались существа, которых не смог бы представить ни один будущий учёный. Среди подводных лесов, состоящих из гигантских растений и светящихся колоний организмов, проплывали огромные хищники и мирные гиганты. Вода была наполнена движением: стаи мелких существ вспыхивали серебром, когда на них бросались охотники, а из тёмных впадин медленно поднимались создания, чьи размеры соперничали с древними земными китами.

Но каждый год океан отдавал часть своих обитателей суше. Когда наступал сезон размножения, берега наполнялись грохотом. Из воды медленно выбирались огромные панцирные существа — марсианские крабы. Они были настоящими живыми крепостями: их тела были покрыты слоями прочного хитина, их клешни могли раскалывать камень, а десятки ног оставляли на влажном песке глубокие борозды.

Они медленно поднимались на пляжи, преодолевая волны и ветер, чтобы выполнить древний ритуал, который появился задолго до первых разумных существ. Самки закапывали тысячи яиц в тёплый песок, оставляя будущее поколение ждать своего часа.

Но даже в такие моменты берег не принадлежал только им. Из песка появлялись маленькие охотники. Они были похожи на длинных многоногих гусениц, покрытых полупрозрачными пластинами. Их тела быстро скользили между следами гигантских крабов, а острые челюсти мгновенно хватали свежие яйца. Затем существа исчезали под поверхностью, втягивая добычу в песчаные тоннели, где их ожидали голодные личинки.

Таков был закон молодого Марса: всё рождалось, всё боролось, всё становилось частью огромного круговорота. Над берегами летали ящероподобные птицы — потомки древних летающих существ, которые освоили воздушный океан задолго до появления разумной жизни. Их крылья были огромны, а тела покрывала тонкая чешуя, защищавшая от ветров верхней атмо-

сферы. Они могли часами парить над морями, почти не двигая крыльями, используя восходящие потоки воздуха, поднимавшиеся от тёплых океанов и вулканических равнин.

Некоторые из них охотились на мелких морских существ, ныряя с высоты облаков. Другие жили ближе к материкам, где среди лесов строили гнёзда размером с небольшие дома.

По земле же медленно проходили гигантские многоножки. Они были одними из древнейших созданий планеты. Их длинные тела состояли из сотен сегментов, каждый из которых двигался независимо, позволяя им преодолевать любые препятствия. Они проходили через леса, словно живые реки из панцирей и лап, питаясь растительностью и грибными колониями, покрывавшими древние равнины.

Но среди этой первобытной жизни существовало нечто, что меняло саму природу Марса. Разум. По всей планете поднимались сооружения, созданные не ветром и не вулканами. Среди океанов возвышались города, соединённые мостами, уходящими в облака. В глубинах морей стояли прозрачные станции, где обитатели планеты изучали течения и жизнь океанов. На материках росли башни из неизвестных материалов, способных выдерживать мощь марсианских бурь.

Разумная раса Марса не пыталась покорить свой мир. Она стала его продолжением.

Они строили рядом с лесами, направляли реки, создавали искусственные экосистемы и изучали каждое существо, от мельчайших организмов до гигантов океана. Их цивилизация существовала не отдельно от природы — она была частью великого живого механизма планеты.

А далеко от них Земля и Венера ещё только начинали свой долгий путь. Им предстояли миллиарды лет перемен, прежде чем на них появятся сложные формы жизни. Их история ещё не началась.

Но Марс уже жил. У него были моря, леса, звери и города. У него были те, кто смотрел вверх — в темноту космоса, туда, где среди звёзд продолжал свой путь молодой Млечный Путь. И однажды они должны были понять: они не одни.

Но произошло то, что во Вселенной считалось событием почти рядовым. Где-то среди огромного пространства Млечного Пути одна из звёзд подошла к концу своего существования. Никто уже никогда не смог бы сказать, каким было это светило, потому что за три миллиарда лет галактика изменилась до неузнаваемости. Звёзды, которые когда-то были соседями Солнца, давно сместились по своим орбитам, созвездия распались, а новые светила заняли их места. Сам Млечный Путь продолжал медленно вращаться, перемалывая миллионы миров в своём бесконечном движении.

Но тогда, в ту далёкую эпоху, одна звезда находилась достаточно близко, чтобы её смерть изменила историю целой планеты. Она была массивнее Солнца и прожила свой путь намного быстрее. В течение миллионов лет она сжигала своё топливо, превращая лёгкие элементы в более тяжёлые, пока внутри неё не накопилось слишком много железа — элемента, который уже не мог дать энергии для поддержания равновесия. Ядро звезды начало стремительно сжиматься под собственной тяжестью, и за доли секунды её судьба была решена.

В центре возникла область невероятной плотности, где вещество перестало вести себя так, как привычно материи. Огромные внешние слои звезды рухнули внутрь и почти мгновенно отразились от сжатого ядра, выбросив наружу колоссальную энергию. Звезда разорвалась.

Она стала сверхновой. Свет от взрыва был настолько мощным, что на короткое время эта звезда стала ярче миллионов обычных светил. В окружающее пространство полетели раскалённые оболочки, потоки тяжёлых элементов и ударная волна, несущаяся через межзвёздную пустоту со скоростью, которую невозможно было остановить. Вместе с ней распространялось излучение, способное разрушать сложные молекулы и менять химический состав целых атмосфер.

Расстояние было слишком мало. Всего тридцать световых лет отделяло погибшую звезду от Солнца — для масштабов галактики это было почти соседство. Конечно, Земля, Венера, Юпитер и Сатурн не были уничтожены этим событием. Они были ещё молодыми мирами, и большая часть из них не обладала сложной биосферой, которую можно было бы потерять. Земля только готовилась к своей будущей истории, а Венера ещё не стала тем адским миром, каким её узнают потомки.

Но Марс был другим. Ведь он уже жил. Когда ударная волна достигла планеты, она встретила с её магнитным полем и атмосферой. На короткое время небо превратилось в сияющий щит из заряженных частиц. Верхние слои атмосферы вспыхнули, словно вся планета оказалась окружена пламенем. Магнитное поле выдержало первый удар, но поток энергии был слишком велик.

Защитный слой начал разрушаться. Атмосфера, которая миллионы лет сохраняла тепло и позволяла океанам существовать, стала терять устойчивость. Потоки частиц выбивали молекулы газа из верхних слоёв, унося их прочь от планеты. Миллиарды тонн атмосферы постепенно начали уходить в космос, превращаясь в разреженное облако вокруг Марса.

Планета стала терять своё небо. Вслед за этим изменился климат. Огромные океаны, которые прежде покрывали значительную часть поверхности, начали испытывать чудовищные перепады температуры. Там, где энергия взрыва достигала поверхности, вода закипала и поднималась в атмосферу гигантскими облаками пара. В других местах, где ослабленная атмосфера уже не могла удерживать тепло, поверхность начала быстро охлаждаться. Планета, которая ещё недавно была тёплым влажным миром, начала превращаться в нестабильное место, где древний порядок природы разрушался за считанные поколения.

Самым страшным последствием стало ослабление магнитного поля. Внутри Марса вращалось огромное железное ядро, создавая защиту от космического излучения. Но после катастрофического воздействия сверхновой внутренние процессы планеты изменились. Движение расплавленного металла замедлилось, магнитное поле стало слабеть, и то, что раньше отражалось далеко в космос, теперь начало достигать поверхности.

Космические лучи проникли в атмосферу и океаны. Они разрушали сложные органические соединения, повреждали клетки живых организмов, нарушали процессы, которые миллионы лет поддерживали жизнь. Это не было мгновенной смертью. Марс не исчез за один день. Он умирал медленно, и именно поэтому гибель была ещё страшнее.

Сначала начали исчезать растения. Гигантские леса, покрывавшие материки, больше не могли расти в новых условиях. Их листья темнели, стволы разрушались, целые экосистемы, существовавшие сотни миллионов лет, за несколько столетий потеряли основу своего существования.

Следом исчезли животные, которые зависели от этих лесов и океанов. Огромные многоножки, некогда медленно пересекавшие континенты, становились всё реже. Летающие ящероподобные существа уже не могли проводить долгие часы в воздухе. В океанах вымирали гигантские виды, и постепенно исчезли даже те древние крабы, которые когда-то заполняли побережья миллионами особей. Берега, где раньше кипела жизнь, стали пустыми.

Но разумная раса Марса продолжала бороться. Они понимали происходящее лучше любого другого существа на планете. Их учёные видели, как меняется атмосфера, как угасает магнитное поле, как радиация проникает всё глубже. Они строили защитные комплексы, переносили города под поверхность, создавали искусственные среды обитания и пытались сохранить хотя бы часть того мира, который когда-то принадлежал им.

Однако даже их знания оказались недостаточными. Они могли изменить реки, строить города и управлять энергией, но не могли остановить старение планеты и последствия звёздной смерти. Один за другим огромные города Марса прекращали работу. Башни, которые когда-то

были символами их цивилизации, покрывались пылью. Подводные сооружения погружались во тьму вместе с мёртвыми океанами.

Марс агонизировал. И когда последние поколения марсиан уже почти потеряли надежду, когда их мир медленно превращался в холодную пустыню, возле планеты произошло событие, которое никто не мог объяснить.

В пустоте рядом с умирающим Марсом появился корабль. Не издалека. Не с орбиты другой звезды. Он просто возник там, словно пространство на мгновение раскрылось и выпустило его наружу. И те, кто ещё оставался в живых, впервые за долгие годы увидели не знак конца.

А нечто другое. Возможность...

Глава 1. На орбите Марса

Марс с орбиты действительно походил на гигантский мяч — неровный, покрытый шрамами каньонов и ударных кратеров. Но цвет его уже не был ровно красным. По поверхности проступали фиолетовые пятна — колонии генномодифицированных лишайников и мхов, которые инженеры-биотехники выпустили пару десятков лет назад. Они расползались неровными островами, словно кто-то мазал поверхность планеты краской. В низинах блестели слабые зеркала водоёмов: их было немного, но они уже собирали солнечный свет, мерцая, будто глаза в полумраке.

Атмосфера оставалась зыбкой. Прозрачная дымка, невидимая с орбиты, на самом деле состояла из слишком разреженного воздуха: всего треть земного давления. Облака пока не могли сформироваться — влаги было катастрофически мало. Но где-то в будущем, через десятилетия, инженеры надеялись запустить замкнутый цикл водообмена.

Я стояла у иллюминатора и смотрела на планету, занимавшую почти всё пространство впереди. «Старшип» входил в тормозной манёвр. Автопилот работал безупречно: в глубине корабля тихо шипели компенсаторы, гасились лишние импульсы, ионные сопла перебрасывали вектор тяги с одной группы двигателей на другую. Всё это походило на дыхание огромного зверя. Компьютер пробегал миллионы строк расчётов, сопоставляя параметры: скорость сближения, угол атаки, гравитационный захват. Вибрации корпуса были ровными и мягкими — корабль словно успокаивал нас своим гулом.

— Мицар, капитан, — послышалось за спиной.

Я обернулась. В дверном проёме стоял Боцман. Его настоящее имя все знали, но не употребляли: привычка, дань уважения к прошлому. Огромный, плечистый, со шрамами, которые он получил ещё на Земле — когда служил пиратам моей сестры Алькор. Когда-то он был её верным оружием, а теперь — моим.

— Да, я слушаю, Боцман, — ответила я.

В кабине, кроме нас, находились ещё двое. Ешуа Морган — бывший спецназовец, некогда враг, а теперь союзник. Его холодный взгляд всё ещё напоминал о тех боях, где мы стояли по разные стороны. Он читал параметры орбиты.

И Сильвестр. Он был особенным. Его ноги были устроены так, как будто их позаимствовали у страуса: колени изгибались назад, придавая походке странную пружинистость. Но это не было уродством — скорее, эволюционной поправкой, случайным экспериментом природы или генной инженерии.

Врачи говорили, что его тело организовано иначе, чем у нас. Его таз был смещён вперёд, чтобы выдерживать нагрузку обратного изгиба. Сердце чуть ближе к центру грудной клетки, чтобы обеспечивать равномерный кровоток при длинных рывках. Почки расположились выше, почти под рёбрами, а желудок был вытянут вниз, в узкий органический «мешок», чтобы не мешать движению сухожилий. Даже мозг имел особенности: центр равновесия, мозжечок, занимал большую долю, чем у обычного человека — благодаря чему Сильвестр мог удерживать вертикаль даже на самой тряской поверхности.

Он оставался человеком. У него было сердце, мозг, те же эмоции, что и у нас. Но, глядя на него, всегда ощущалось: он будто сделан для другого мира, для иной планеты, где такая анатомия окажется не недостатком, а преимуществом.

И Сильвестр сейчас был полностью сосредоточен на своей задаче. Его длинные пальцы скользили по сенсорным панелям, ловко переключая режимы анализа. Через оптические системы он рассматривал поверхность Марса — кратеры, где уже блестели зеркала воды, равнины с фиолетовыми всполохами флоры, а через электронные датчики получал совсем иную картину: температурные карты, распределение давления, химический состав атмосферы. На

мониторах вокруг него мигали зелёные и алые значки, бегущие строки цифр постоянно обновлялись, графики пульсировали волнами, словно живые, а поверх них проступали сложные символы — прогнозы искусственного интеллекта, предсказывающего поведение ветров и возможные колебания в плотности воздушных слоёв.

Ведь теперь Марс уже не был той безмолвной пустыней, какой знали первые колонисты. Атмосфера стала плотнее, пусть и не достигла земного уровня. Это означало, что посадка требовала нового подхода: аэродинамические щиты и плазменные тормоза должны были работать иначе, чем полвека назад, когда Илон Маск со своей командой отправлял первый флот. Тогда воздух был слишком разрежен, и приходилось полагаться на ракетные двигатели до самого касания. Теперь же манёвр можно было выстраивать с учётом сопротивления атмосферы — словно корабль входил в оранжево-красное море.

«Спейс Х» когда-то имела планы. И, судя по картине под нами, эти планы не просто воплотились, а продолжают разворачиваться. Два килограмма антиматерии — крошечный заряд невообразимой энергии — позволили выжечь ходы в вечной мерзлоте и высвободить воду, которая веками таилась в недрах. Она испарялась, конденсировалась и, циклясь, создавала атмосферу.

А если есть атмосфера — значит, климат стал мягче. Температура не прыгала так жестоко между днём и ночью. Ветряные потоки распределяли тепло, а поверхность больше не обжигала солнцем и не крошилась от холода с равной яростью. Это открывало новую эру: человеку уже не требовалось таскать на себе тяжёлый герметичный скафандр, как у первых марсианских колонистов. Теперь достаточно было лёгкого костюма — плотной ткани с антирадиационной пропиткой и тонкой полимерной бронёй, способной задерживать микрометеоры.

В грудной секции такого костюма размещались компрессоры: маленькие насосы, которые втягивали из атмосферы углекислый газ, очищали его через мембранные фильтры, а затем выделяли кислород, подавая его прямо в дыхательный контур под шлем. Человек мог свободно двигаться, бегать, работать с инструментами, не ощущая себя заключённым в металлический саркофаг. Марс постепенно становился живым. И это было видно даже отсюда, из кабины корабля, по мерцающим цифрам и пульсирующим графикам на экранах Сильвестра.

Боцман вздохнул и сказал:

— Я сделал ревизию всего того, что есть на борту. Это был последний корабль, и поэтому его толком никто не загрузил необходимыми средствами. Все торопились покинуть Землю. Внуки Илона Маска уже не интересовались, кто и как полетит после них. Да, спецкостюмы есть, но они не всем подходят по размеру. Например, для Сильвестора будет проблема.

— Я могу дышать в такой атмосфере, — с уверенностью произнёс человек-страус. — Так что обойдусь без костюма.

Его лицо было напряжено, но ни капли страха не промелькнуло в глазах. Это была сильная личность.

— Мало еды, но я просчитал, сколько калорий должен получить каждый, чтобы мы могли поддерживать себя в форме, — продолжал Боцман. — На первые полтора месяца должно хватит. Дальше — от ресурсов колонистов, если они с нами поделаться.

— Хорошо, — кивнула я, и Боцман исчез в проёме люка.

В этот момент в рубку вкатил робот Колобок. Он действительно напоминал гигантский металлический шар высотой почти с человека. Его корпус был покрыт броневыми сегментами, между которыми время от времени вспыхивали тонкие полоски индикаторов. Внутри корпуса скрывались десятки устройств. То тут, то там открывались лючки, из которых выдвигались манипуляторы с клешнями-пальцами, сварочные резак, диагностические датчики, лазерные дальномёры и даже компактные пулемётные установки. Через секунду всё это снова исчезало под бронёй.

Главным же его достоинством была необычная система передвижения. Пока обычные роботы спотыкались о камни, вязли в песке или застревали на лестницах, Колобок просто катился вперёд. Для него не существовало ни ступеней, ни осыпей, ни траншей. Он мог разгоняться по ровной поверхности, подпрыгивать с помощью встроенных реактивных сопел, перекатываться через валуны и даже двигаться по отвесным стенам, используя магнитные захваты. Конструкторы утверждали, что остановить его способна разве что пропасть шириной в несколько десятков метров. Сам Колобок считал иначе и был уверен, что найдёт способ перебраться и через неё.

Но больше всего его отличал характер.

— Приффет всем! Тырлим-бом-бом! Марс — это отличный полигон для таких, как я, машин. Накатаюсь там вдоволь!

Из-под пульта выглянул Варежка — овчарка, моя любимая собака. Он насторожил уши, внимательно посмотрел на робота и коротко тьякнул:

— Гав!

То ли соглашаясь, то ли, наоборот, осуждая его чрезмерный оптимизм.

Колобок замер на секунду. Внутри корпуса что-то зажужжало, будто работали вычислительные блоки.

— Гав! Гав! — ответил он с явным возмущением.

Судя по всему, Варежка выразил сомнение в том, что робот сможет веселиться на Красной планете, когда никто из нас не знает, какие опасности там поджидают. А Колобок возразил, что он всё-таки машина и главная угроза для него — это ржавчина. Да и то, по его словам, не всякая.

Я вздохнула. Да, мне ещё не исполнилось семнадцати лет. Но именно я была командиром корабля «Старшип» — последнего корабля этого типа, который успели построить на Земле внуки Илона Маска.

Мой экипаж состоял из взрослых мужчин. Многие из них были старше меня в несколько раз. Некоторые прежде считались сухопутными пиратами, авантюристами и контрабандистами. Однако сейчас они доверяли мне свои жизни.

Нет, никто из них не устроил бы бунт. Не потому, что боялся наказания, а потому, что каждый добровольно пошёл в этот полёт. Они могли спорить, высказывать несогласие, критиковать мои решения. Я даже считала это полезным. Командир, который не слышит возражений, рано или поздно допускает смертельную ошибку.

Но окончательное решение всё равно оставалось за мной.

— Сильвестр, ты определил космодром? — спросила я, обращаясь к человеку-страусу.
— Нам нужна посадка.

Ешуа Морган крепко держал руки на штурвале. Разумеется, автоматика могла самостоятельно посадить корабль. Более того, она делала это гораздо точнее человека. Но существовала одна проблема. Никто никогда не испытывал эти системы в атмосфере современного Марса.

Когда создавались посадочные алгоритмы, планета ещё оставалась холодным и разреженным миром. Теперь всё изменилось. После десятилетий терраформирования атмосфера стала плотнее, появились облака, усилились ветра, изменились температурные режимы. Старые модели уже не отражали реальность.

Поэтому автоматика работала лишь как помощник.

На обзорных экранах медленно рос красновато-зелёный диск планеты. Сенсоры непрерывно выдавали данные о плотности воздуха, скорости ветра и температуре различных слоёв атмосферы. Компьютер ежесекундно пересчитывал траекторию снижения, а Ешуа следил за показаниями приборов, готовый в любой момент взять управление на себя.

Никто из нас не хотел стать испытателем, который обнаружит ошибку программы ценой собственного корабля.

Сильвестр кивнул.

— Да, Мицар, я нашёл три космодрома. Они забиты кораблями, и свободного места нет. Но есть недостроенный на западе, в пяти километрах от купола-города. Там всего лишь один корабль, и есть места для трёх «Старшипов». Предлагаю призем... примарсианиться туда.

На центральном экране возникли изображения. Первый космодром выглядел как настоящий лес из ракет. Десятки кораблей стояли на стартовых площадках и технических позициях. Между ними сновали тягачи, грузовые платформы и обслуживающие роботы.

Второй был ещё более загружен. Некоторые корабли стояли так плотно, что между их корпусами оставались лишь узкие проходы. Огромные резервуары с топливом, склады и ремонтные ангары занимали всё свободное пространство.

Третий космодром располагался ближе всего к куполу города. Там находились не только «Старшипы», но и атмосферные корабли — длинные транспортники, грузовые платформы и пассажирские лайнеры. Свободного места не было вовсе.

«За все время на Марс отправилось более ста кораблей, — вспомнила я. — Илон Маска планировал здесь построить колонию из миллиона колонистов. Но покинуть Землю смогли не все... Но те, кто добрался, сумели посадить „Старшипы“ на Марс...»

Затем Сильвестр вывел четвёртое изображение. Недостроенный космодром выглядел почти пустым. Несколько посадочных площадок были уже готовы. Частично работала система освещения. Виднелись каркасы будущих ангаров. На краю поля одиноко стоял корабль, словно забытый всеми.

Зато вокруг площадок грунт выглядел твёрдым и тщательно подготовленным. Это было важно. Первые «Старшипы», достигшие Марса много лет назад, часто терпели катастрофы именно при посадке. Тогда никто толком не знал особенностей местной почвы. Некоторые площадки казались надёжными, но под тонкой коркой скрывался рыхлый реголит. Тяжёлые ракеты проседали, кренились и опрокидывались на бок.

В архивах сохранились фотографии таких аварий. Огромные корабли лежали на поверхности, словно поваленные деревья. Одни были смяты при падении, другие взорвались, третьи так и остались памятниками человеческой самоуверенности. Но Илона Маска это не сломило, он продолжил свои проекты, и в итоге достиг успехов.

Поэтому готовая площадка, пусть даже недостроенная, выглядела куда привлекательнее случайного участка пустыни.

Я внимательно смотрела на изображение запасного космодрома.

Колобок подъехал ближе и задумчиво прожужжал:

— А почему бы и нет, капитан? Дороги к городу нет, но люди преодолеют это расстояние на роверах. А я — на своих возможностях. Гыгыгы...

Он сделал полный оборот вокруг своей оси и гордо добавил:

— Пять километров для меня — это даже не прогулка. Это разминка подшипников! А если по пути встретятся марсиане, я с ними обязательно познакомлюсь. Вежливо. Ну... сначала вежливо.

Варежка снова высунул голову из-под пульта.

— Гав!

— Вот видишь, — обрадовался Колобок. — Даже он считает мой план великолепным!

Судя по выражению морды овчарки, смысл сказанного был прямо противоположным. Но объяснять это роботу никто не стал.

На борту нас было тринадцать человек — чертова дюжина, как кто-то из экипажа мрачно пошутил перед стартом, — а также Варежка. И теперь всё зависело от моего решения. За время полёта к Марсу я уже привыкла к тому, что именно мне приходится принимать окончательные решения, даже если вокруг находились люди намного старше и опытнее меня. Командиром

не становятся из-за возраста. Им становятся в тот момент, когда другие готовы доверить тебе свои жизни.

Я ещё раз посмотрела на красную планету за обзорным стеклом рубки, где она постепенно увеличивалась, превращаясь из далёкой точки в настоящий мир, который вот-вот должен был принять нас. Потом перевела взгляд на панель управления и вызвала искусственный интеллект корабля.

ИИ «Старшипа» сопровождал нас все эти две недели пути. Он контролировал абсолютно всё: следил за составом воздуха, регулировал температуру в жилых отсеках, распределял энергию, проверял состояние двигателей, корректировал курс и при необходимости сам принимал тысячи мелких решений, которые человеку просто невозможно было бы обработать. Он был не просто программой навигации — он был сердцем корабля, его невидимым экипажем.

Хотя я понимала, что это всего лишь сложная система вычислений, иногда мне казалось, что за сухими голосовыми ответами есть что-то большее. Особенно после того, как Колобок начал разговаривать с ним так, словно они были старыми знакомыми.

— ИИ «Старшип», какой прогноз относительно посадки на резервный космодром? — спросила я.

Несколько секунд рубка оставалась тихой. Только едва слышно работали системы охлаждения, а за бортом медленно проплывал Марс.

— Выполняю расчёт, — ответил спокойный голос корабля. — Резервный космодром не имеет активных посадочных маяков. Автоматическая система наведения объекта отключена. Для посадки будут использованы собственные сенсоры корабля: радары, оптические комплексы, гравитационные сканеры и данные картирования поверхности.

На главном экране появилась схема предполагаемого снижения.

— При текущих параметрах атмосферы, погодных условиях, скорости ветра, плотности воздушного слоя, гравитационном воздействии и выбранной траектории торможения вероятность успешной посадки составляет восемьдесят семь процентов.

Я невольно задержала дыхание. Восемьдесят семь процентов звучало неплохо. Но за этими цифрами стояли наши жизни.

— А остальные тринадцать процентов — это что? — раздался сзади насмешливый голос.

В рубку вошёл Пётр Каримов. Он держал в руке планшет и выглядел так, будто только что вышел не из технического отсека космического корабля, а из мастерской где-нибудь на Земле. Крепкий, широкоплечий, с немного усталым лицом и короткой аккуратной бородой, Каримов был одним из тех людей, которые не производили впечатления героев, пока не начиналась настоящая работа. Тогда становилось ясно, что именно на таких людях всё и держится.

Почти весь полёт он провёл в мастерской, куда мы загрузили нашу технику. Особенно он занимался моим багги — разбирали его, усиливали крепления, проверял каждую деталь, менял то, что могло выйти из строя на Марсе. Кроме него, он подготовил ещё три машины, которые должны были помочь нам добраться до купола-города и исследовать окрестности.

Судя по планшету в его руках, он как раз пришёл доложить о завершении работы.

ИИ, конечно, не понял сарказма.

— Тринадцать процентов вероятности включают возможное отклонение траектории при входе в атмосферу, непредвиденное изменение плотности воздушного слоя, отказ части двигательной системы, превышение расчётной нагрузки на корпус, повреждение посадочных опор или недостаточную устойчивость грунта в зоне посадки, — спокойно ответил он.

Каримов поднял брови.

— То есть, проще говоря, именно те случаи, когда мы превращаемся в красивый кратер на поверхности Марса?

— Формулировка некорректна, — невозмутимо ответил ИИ. — При аварийной ситуации вероятность полного разрушения корабля оценивается отдельно.

Колобок, стоявший неподалёку, тихо зажужжал.

— Гыгы... какая заботливая машина. Даже смерть считает отдельно.

Сильвестр, который всё это время молча смотрел на экраны, медленно повернул голову. Он был похож на человека, который пытается представить все возможные варианты сразу. Его взгляд перескакивал с показаний приборов на карту поверхности, а потом снова возвращался к цифрам.

Ешуа Морган продолжал держать руки на штурвале. Формально необходимости в этом не было. Посадку я собиралась доверить автоматике, потому что она могла одновременно учитывать гораздо больше факторов, чем любой человек. Но мы оба знали: если что-то пойдёт не так, именно он должен будет вмешаться.

Он слегка провёл пальцем по своей короткой бороде и посмотрел вперёд. В его лице не было страха, но я видела напряжение. Ешуа был опытным пилотом и понимал лучше многих, что самые опасные минуты полёта начинаются не при старте, а именно тогда, когда огромная машина пытается мягко прикоснуться к чужому миру.

Я посмотрела на экран, потом на членов своего экипажа и наконец приняла решение.

— Хорошо. На следующем витке начинаем снижение и посадку.

— Приказ принят, — ответил ИИ.

На центральной панели появился таймер обратного отсчёта: Двадцать пять минут... Двадцать четыре... Двадцать три...

Перед нами развернулась полная схема посадки. На экране возникла трёхмерная модель Марса, а наша траектория была обозначена яркой линией, которая должна была провести «Старшип» через атмосферу, затем снизить скорость и вывести корабль точно к недостроенному космодрому. Рядом отображались данные о температуре корпуса, скорости снижения, угле атаки, запасах топлива и состоянии двигателей.

Каждый параметр менялся каждую секунду. Каждая цифра могла означать жизнь или смерть. Сильвестр внимательно изучал расчёты и ничего не говорил. Даже он, обычно склонный превращать всё в шутку, понимал, что сейчас не время для веселья.

Колобок тоже неожиданно стал серьёзным. Он тихо подъехал к панели управления, раскрыл один из своих боковых отсеков и выдвинул тонкий манипулятор с универсальным разъёмом. Через мгновение он подключился к системе корабля.

— Ты что делаешь? — спросила я.

— Контролирую ситуацию, капитан, — весело ответил он.

Не думая, что ИИ «Старшипа» был особенно рад такому вмешательству, но он не стал возражать.

И это было вполне логично. Корабли нового поколения создавались не просто как механические конструкции. Их проектировали как сложные автономные системы, способные самостоятельно диагностировать повреждения, восстанавливаться, адаптироваться и принимать решения в рамках заданной программы. Создатели хотели, чтобы машины были не просто инструментами, а настоящими помощниками человека.

Получалось странное сочетание: внутри огромного металлического корпуса находился искусственный разум, который не имел чувств, но мог вести себя так, будто они у него есть.

Для ИИ эмоции были не переживаниями, а всего лишь моделями поведения. Но иногда этого было достаточно, чтобы мы начинали относиться к нему иначе.

— Так что? — спросила я Каримова.

Он тут же переключился на деловой тон.

— Капитан, ваше багги и три автомобиля готовы. Я провёл полное обслуживание, заменил несколько деталей, усилил крепления, проверил аккумуляторы и системы питания. На поверхности Марса техника должна работать нормально.

— Хорошо, — кивнула я. — Она нам понадобится.

Я посмотрела на него и добавила:

— Возвращайся в отсек.

Каримов кивнул и ушёл. Я взяла микрофон внутренней связи:

— Внимание всему экипажу. Через двадцать две минуты «Старшип» начинает посадку. Всем занять места в креслах и пристегнуться. Повторяю: через двадцать две минуты начинаем снижение.

В рубке снова стало тихо. Только таймер продолжал отсчитывать время: двадцать две минуты до Марса. Двадцать две минуты до нового мира.

Глава 2. Атмосферное планирование

Десять граммов антивещества позволили поднять «Старшип» с Земли и направить его к Марсу. Казалось невероятным, что такое ничтожное количество вещества могло стать источником энергии для корабля массой в тысячи тонн, но именно в этом и заключалась сила новой технологии. При взаимодействии антивещества с обычной материей высвобождалась энергия, которой хватало, чтобы разогнать корабль, вывести его за пределы земной гравитации и затем плавно изменить траекторию полёта.

Двигатели доставили нас к Красной планете всего за две недели — срок, который ещё несколько поколений назад считался невозможным. Мы не месяцами дрейфовали в космосе, ожидая, пока планеты займут нужное положение, а летели почти напрямую. Потом корабль начал торможение, аккуратно сбрасывая скорость и готовясь войти в марсианскую систему.

Запаса антивещества у нас оставалось достаточно. Его хватало не только для посадки, но и для возвращения на Землю, если вдруг возникнет такая необходимость. Конечно, никто не хотел думать о таком варианте. Мы летели не для того, чтобы развернуться обратно, а чтобы сделать первый шаг в новый мир. Но любой хороший командир должен был учитывать даже самые неприятные возможности.

«Старшип» изначально создавался не как обычный транспортный корабль, а как дом для колонистов. Его проектировали с расчётом, что люди смогут находиться внутри месяцами, а при необходимости — годами. Поэтому внутри он больше напоминал небольшой автономный город, чем ракету.

В жилой зоне располагались индивидуальные каюты, хотя для семидесяти колонистов они были довольно компактными. Каждая имела систему регулировки температуры, освещения и состава воздуха. Стены могли менять режимы — от яркого дневного света до мягкого ночного освещения, чтобы поддерживать нормальный цикл сна. В корабле были медицинский отсек с автоматическими диагностическими системами, лаборатория, кухня, запасы воды, перерабатывающие установки и даже небольшой зал, где люди могли заниматься физическими упражнениями.

Отдельное внимание уделялось психологическому состоянию экипажа. Создатели прекрасно понимали, что человек может выдержать технические трудности, но изоляция и однообразие способны сломать даже самых сильных. Поэтому на корабле были предусмотрены зоны отдыха, виртуальные тренажёры, библиотеки данных и помещения, где можно было просто побыть в тишине.

Для тринадцати человек «Старшип» оказался огромным. Мы могли спокойно разместиться, не мешая друг другу. Некоторые отсеки вообще оставались почти пустыми. Казалось странным находиться внутри такого гиганта, рассчитанного на десятки людей, когда вокруг было столько свободного пространства.

Зато Варезка был в восторге. Моя овчарка за первые дни изучила почти каждый угол корабля. Она бегала по коридорам, заглядывала в помещения, внимательно следила за работой роботов и, кажется, считала себя главным инспектором «Старшипа». Иногда я ловила её возле дверей, где она просто сидела и наблюдала за проходящими мимо людьми, словно проверяла, всё ли они делают правильно.

Колобку повезло меньше. Его шарообразное тело было слишком большим для многих проходов и жилых отсеков. Он мог бы протиснуться туда, если бы выдвинул часть механизмов и перестроил корпус, но делать этого не хотел. Поэтому большую часть времени он проводил в грузовом отсеке среди транспорта и оборудования.

Там ему было настоящее раздолье. Он катался между контейнерами, проверял крепления, разговаривал с техникой и особенно часто надоедал Каримову.

Пётр сначала терпел его бесконечные комментарии, потом начал отвечать, а через несколько дней они уже спорили как старые знакомые.

— Каримов, а если я заменю эту деталь на более совершенную? — спрашивал Колобок.

— Не заменишь, — отвечал тот. — Потому что ты не инженер.

— Я искусственный интеллект с повышенной мобильностью.

— Ты круглый ящик с характером.

— Неправда. Я круглый ящик с великолепным характером.

Я часто слышала их перепалки и невольно улыбалась. Странно было осознавать, что в нескольких десятках метров от нас, посреди пустоты космоса, обычный человек спорил с машиной, а собака считала этот корабль своим домом.

Я до сих пор помню первые дни полёта. Это было незабываемое ощущение. Сначала все были заняты делами: проверяли оборудование, осваивались на новом месте, изучали корабль. Даже те, кто привык к риску, чувствовали себя немного растерянными. Земля оставалась позади, а впереди была только бесконечная темнота.

Да, я не была профессиональным астронавтом. И среди нас вообще не было людей, которые всю жизнь готовились к космическим миссиям. Мы были разными: моряками, инженерами, механиками, бывшими авантюристами. Но никто из нас не был настоящим пилотом межпланетного корабля.

К счастью, «Старшипом» управлял искусственный интеллект. Нам не требовались навигаторы, которые вручную рассчитывали бы траектории, или пилоты, которые часами следили бы за каждым параметром. ИИ делал это сам. Он анализировал миллионы вариантов, контролировал двигатели и системы корабля, а от нас требовалось только отдавать команды и принимать решения там, где требовался человеческий выбор.

Первые часы после старта я почти не отходила от обзорного окна. За стеклом постепенно уменьшались Земля и Луна.

Сначала наша планета казалась огромной — голубой, живой, бесконечной. Потом она начала превращаться в шар, который можно было закрыть ладонью. Облака становились тонкими белыми линиями, океаны смешивались в единое синее пятно, а континенты исчезали в космической дали.

Рядом с нами уходила назад Луна — серебряный спутник, который человечество изучало веками, но теперь мы оставляли его позади так же легко, как оставляют знакомый город.

А впереди открывался настоящий космос. Не тот, что показывают на экранах, где звёзды выглядят просто красивыми точками, а настоящий — глубокий, холодный и бесконечный. Мы видели Млечный Путь как огромную светящуюся реку, растянувшуюся через тьму. Миллиарды звёзд складывались в единое полотно, и невозможно было поверить, что каждая из этих точек — отдельный мир, возможно со своими планетами и своими историями.

А где-то далеко, за пределами нашего галактического дома, была Андромеда. Далёкая соседняя галактика, которая даже через приборы выглядела лишь слабым сиянием.

Я стояла у иллюминатора и думала о том, что человечество веками смотрело на эти огни снизу, с поверхности Земли. А теперь мы летели к другой планете.

И впервые я по-настоящему почувствовала: мы действительно покинули свой дом.

Дом, где остались моя мама и моя сестра-близнец Алькор. Иногда, когда я смотрела на Землю из иллюминатора «Старшипа», мне казалось странным, что всего несколько недель назад этот огромный корабль был для меня лишь средством добраться до другой планеты, а теперь он стал границей между прошлым и будущим. Там, далеко позади, оставалась моя семья, моя мама, которая всегда верила, что мы с сестрой должны быть вместе. Именно она дала нам имена в честь двух звёзд в созвездии Большой Медведицы — Мицар и Алькор. Она рассказывала, что древние люди смотрели на эти звёзды и видели в них символ связи, потому

что они находятся рядом настолько, что кажутся почти одной точкой света. Мама говорила, что и мы с Алькор будем такими же: две части одного целого, которые невозможно разделить.

Но жизнь распорядилась иначе. Мы действительно остались связанными, но оказались по разные стороны одной истории. Алькор выбрала Землю. Она осталась там вместе со своей командой, чтобы бороться за возрождение погибшей планеты, искать способы вернуть людям будущее среди разрушенного мира. А я отправилась к Марсу, потому что должна была узнать, удалось ли первым колонистам создать там новый дом. Они покинули Землю незадолго до того, как Арктур изменил судьбу человечества, и теперь оставался главный вопрос: успели ли они выжить или Марс стал ещё одной забытой могилой в холодной пустоте.

Всё началось с Арктура — огромной звезды, которую люди веками наблюдали с Земли. Это был один из самых ярких объектов на нашем ночном небе, гигантская звезда, по сравнению с которой наше Солнце казалось почти обычным светилом. Арктур был старым миром, находившимся на последних этапах своей жизни. Учёные знали, что когда-нибудь его судьба изменится, но никто не ожидал, что это произойдёт так быстро и так внезапно. Мы привыкли считать звёзды чем-то вечным, частью самого устройства Вселенной, но оказалось, что даже они могут исчезать в одно мгновение по космическим меркам.

Когда Арктур взорвался, это стало событием, которое невозможно было сравнить ни с чем в человеческой истории. Звезда превратилась в сверхновую, выбросив в пространство колоссальное количество энергии. Потоки излучения и раскалённого вещества разлетелись на огромные расстояния, превращая окружающее пространство в бушующий океан света. На месте спокойного оранжевого гиганта возникла гигантская вспышка, настолько яркая, что она на короткое время изменила вид всей области космоса вокруг неё.

Мы находились далеко, но космос не знает человеческих границ. Ударная волна, ослабленная расстоянием, всё равно достигла Солнечной системы. Она не уничтожила Землю мгновенно, как это произошло с ближайшими мирами, но нанесла удар, от которого планета уже не смогла оправиться. Атмосфера была разрушена — мы потеряли больше трети воздушной оболочки. То, что миллиарды лет удерживало условия для жизни, оказалось повреждено всего одним космическим событием.

После этого начался настоящий конец старого мира. Исчезали моря и океаны, потому что климатические процессы вышли из равновесия. Огромные водные пространства, которые люди считали вечными, стали постепенно уходить. Одни районы превращались в пустыни, другие покрывались льдом, третьи становились непригодными для жизни из-за радиации и химических изменений. Биосфера разрушалась: растения и животные исчезали, цепочки питания ломались, целые виды уходили в прошлое.

Но самым страшным оказалось не само разрушение природы, а то, как изменились люди. Когда ресурсов стало не хватать, началась борьба за выживание. Города, которые когда-то были центрами цивилизации, превратились в крепости или руины. Государства ослабли, старые правила перестали работать, а на их месте появились новые силы. Начались войны, революции, восстания. Одни пытались сохранить остатки прежнего мира, другие строили новый порядок, часто жестокий и беспощадный. Появились мутанты — результат радиации, экспериментов и попыток людей приспособиться к изменившейся планете. Вместе с ними появились банды и мародёры, которые пользовались хаосом.

И всё же среди этого кошмара мы продолжали жить. Я, мои друзья и моя сестра Алькор со своей командой сухопутного корабля «Дон Кихот» были лишь маленькими группами людей, пытавшихся пройти через конец эпохи. Нам приходилось сталкиваться с теми, кто хотел установить собственную власть над остатками человечества. Мы сражались с городом Гигантус, огромной силой, которая стремилась контролировать территории и ресурсы. Мы столкнулись с посланниками Ватикана — новыми крестоносцами, прибывшими на гигантском дирижабле и считавшими, что именно они имеют право определить будущее выживших. Нам противостоял

русский ядерный корабль-крейсер «Пётр Великий», сохранивший мощь старого мира, а также множество других угроз: мутанты, небольшие банды и люди, для которых чужая жизнь перестала иметь значение.

Я снова посмотрела в сторону иллюминатора и увидела вдали слабое пятно среди звёзд. Это были остатки Арктура — облако вещества, оставшееся после гибели огромной звезды. Издалека оно выглядело почти красиво: тонкие светящиеся нити газа, которые медленно расходились в космосе. Но я знала, что за этой красотой скрывалась сила, которая изменила судьбу целой цивилизации.

Одна далёкая звезда решила судьбу человечества, так же как когда-то один астероид решил судьбу динозавров. Миллионы лет назад небольшое космическое тело стало причиной исчезновения древних гигантов и открыло дорогу новым формам жизни. Теперь другой космический объект изменил наш путь. Только на этот раз мы не собирались просто исчезать.

Мы строили корабли. Мы искали новые миры. Мы летели к Марсу. И, возможно, именно там должен был начаться следующий этап истории человечества.

ИИ привёл меня в чувство своим спокойным сообщением:

— Внимание. Начинаю процесс атмосферного пилотирования.

На мгновение я поняла, что слишком долго смотрела на приближающуюся поверхность Марса, забыв обо всём остальном. Я быстро подтянула ремни безопасности и проверила крепления. Сейчас уже нельзя было просто наблюдать. Любая ошибка, даже самая маленькая, могла превратить наше приближение к новому миру в последнюю минуту нашего путешествия.

Справа от меня сидел Ешуа Морган. Он крепко держал руки на штурвале, хотя прекрасно понимал, что управлять «Старшипом» вручную ему, скорее всего, не придётся. Ешуа умел пилотировать самолёты и вертолёты, имел опыт сложных операций и прекрасно чувствовал технику, но космический корабль такого класса был совсем другим. Самолёт можно было вывести из штопора, вертолёт удержать в воздухе, но здесь перед нами была многотонная машина, несущаяся сквозь атмосферу чужой планеты.

Однако Ешуа был бывшим спецназовцем, а люди с таким прошлым привыкли полагаться не только на расчёты, но и на свои руки. Ему было спокойнее, когда пальцы чувствовали поверхность штурвала. Это создавало ощущение контроля — будто между ним и возможной катастрофой оставалась ещё одна преграда. Я знала, что если что-то пойдёт не так, именно он будет первым, кто попытается вмешаться.

Слева от меня находился Сильвестр. Его ситуация была намного сложнее. Несмотря на то что большая часть его тела была человеческой, его страусиные ноги доставляли ему массу неудобств. Кресло «Старшипа» проектировалось для обычных людей, и инженеры явно не рассчитывали, что однажды в нём окажется человек-птица. Его ноги едва помещались под панелью управления, и он постоянно менял положение, пытаясь устроиться удобнее.

Но даже сейчас, в момент посадки, он думал не о неудобстве. Его глаза были прикованы к мониторам.

Сильвестр обладал выдающимися математическими способностями и любил проверять расчёты ИИ самостоятельно. Иногда он спорил с ним буквально на скорость, пытаясь найти решение быстрее машины. И самое забавное было в том, что искусственный интеллект действительно словно раздражался, когда Сильвестр указывал ему на мелкие неточности.

Конечно, это была лишь модель поведения. Но Сильвестр всё равно утверждал, что ИИ обижается.

— Он делает вид, что не понимает юмора, — часто говорил он. — Но если бы мог, точно бы закатил глаза.

ИИ обычно отвечал на это:

— У меня отсутствуют глаза, предназначенные для закатывания.

И Сильвестр только смеялся. Теперь же ему было не до шуток. Он следил за каждым изменением параметров, мысленно повторяя расчёты системы и сравнивая их со своими.

За нами находились ещё два кресла. В одном сидел Абрам — наш стрелок. Он был молчаливым человеком с тяжёлым взглядом и привычкой всегда держать ситуацию под контролем. Даже сейчас, когда оружие было бесполезно против силы природы и атмосферы, он сидел напряжённо, словно ожидал появления врага. В каком-то смысле так оно и было: врагом был сам Марс.

Рядом с ним находилась Варезка. Мой пёс никогда не любил ограничения. Он мог часами бегать по кораблю, исследовать помещения и вмешиваться во всё, что считал подозрительным. Сидеть спокойно в кресле ему явно не нравилось, но сейчас даже он понимал, что настал момент, когда нужно довериться людям. Его уши были прижаты, взгляд направлен вперёд, а лапы крепко стояли на платформе кресла.

На дополнительных мониторах я видела остальных членов экипажа.

Боцман смотрел внимательно и спокойно. За время наших приключений на Земле он стал для меня почти вторым командиром. Это был человек, который умел выжидать, слушать и действовать именно тогда, когда нужно. В нём не было лишних слов, зато был огромный опыт.

Рядом находился Пётр Каримов — наш механик. Даже сейчас, когда он уже не мог помочь кораблю руками, его взгляд цеплялся за показатели двигателей и системы посадочных опор. Он привык исправлять проблемы не приказами, а инструментами.

Рафаэль, механик с «Дон Кихота», выглядел более эмоциональным. Он был человеком, который мог разобрать двигатель, собрать его обратно и по звуку определить, что именно работает неправильно. Его руки почти всегда были испачканы машинным маслом, и даже в космосе он умудрялся находить себе работу.

Георгий Макклой, бывший артиллерист, сидел неподвижно, как будто снова находился на боевой позиции. Его возраст выдавал седину, но не ослабил его характера. Он привык видеть перед собой цель и не терять самообладание даже тогда, когда вокруг всё рушилось.

Генри Барракуда, электрик с моей базы выживания, постоянно следил за энергетическими системами. Он был худым, быстрым и немного нервным человеком, который доверял проводам и схемам больше, чем словам людей. Если где-то появлялась неисправность, Генри обычно находил её первым.

Ларисен Оролман, норвежец и инженер-энергетик, отличался спокойствием. Он говорил мало, но всегда по делу. Его интересовали системы питания, генераторы и всё, что могло сохранить нам жизнь в условиях нового мира.

Фредерик Брутт прибыл к нам с ватиканского дирижабля. Специалист по гидравлике, он был человеком старой школы: сильным, упрямым и привыкшим работать с тяжёлыми механизмами. Его прошлое было связано с противниками, но теперь он сидел среди нас как часть экипажа.

Сигизмунд Котовский, поляк и сухопутный пират, смотрел на экран с привычной полуулыбкой. Он был хитрым, осторожным и никогда не раскрывал всех своих мыслей. В прежнем мире ему доверяли не все, но на нашей стороне он доказал, что способен быть верным.

И наконец — Киборг. Он так и не сказал своего настоящего имени. Никто точно не знал, сколько в нём было человека, а сколько технологий. Его тело содержало множество искусственных модификаций, но разум оставался человеческим. Он редко говорил, зато замечал то, что другие пропускали.

Все они смотрели на меня. На своего командира. Мне было всего семнадцать. А рядом находились мужчины, которым было сорок, пятьдесят, некоторые приближались к шестидесяти. Люди, которые прошли войны, катастрофы и конец старого мира. И все они подчинялись мне.

Не из-за звания. Не из-за приказа. А потому что доверяли. Я знала: доверие взрослых людей не получить просто так. Особенно тех, кто привык выживать самостоятельно. Его нельзя потребовать. Его можно только заслужить.

Я заслужила его тогда, на Земле, когда вместе с ними проходила через опасности, сражалась и принимала решения, от которых зависели жизни. И сейчас мне снова предстояло доказать, что они сделали правильный выбор.

В этот момент включились двигатели. Марс встретил нас своей атмосферой.

Она уже не была той тонкой оболочкой, которую когда-то знали первые исследователи. После терраформирования воздух стал значительно плотнее и примерно на сорок процентов приблизился к условиям древней Земли. Конечно, дышать им без защиты всё ещё было невозможно, но теперь атмосфера была способна воздействовать на огромный корабль.

«Старшип» начал аэродинамическое торможение. Внешняя оболочка загудела, когда поток воздуха ударил по корпусу. Вибрация прошла через весь корабль. Сначала лёгкая, почти незаметная, затем всё более сильная. Температура внешнего покрытия начала расти, и на панелях появились предупреждения о нагрузке.

Защитные системы включились автоматически. Где-то в глубине корабля сработали компенсаторы. Кресло подо мной дрогнуло. Затем последовал сильный толчок.

Марс будто схватил нас за корпус и попытался остановить. На экранах вспыхивали сообщения: «Коррекция траектории». «Нагрузка на корпус повышена». «Температура внешнего слоя увеличена». Но ИИ продолжал работать спокойно.

— Траектория стабильна. Отклонение минимальное. Продолжаю снижение.

За иллюминаторами исчезла чёрная пустота космоса. Теперь вокруг был Марс. Под нами двигалась поверхность планеты: красноватые равнины, цепи холмов, глубокие кратеры, тёмные расщелины и огромные каменные образования, которые веками стояли под марсианскими ветрами. В некоторых местах виднелись следы древних русел, где когда-то могла существовать вода. В других — только бесконечные поля пыли и камня.

Марс был одновременно мёртвым и живым. Пустынным и прекрасным. А где-то впереди находился наш запасной космопорт. И «Старшип» уверенно вёл нас к нему.

Колобок, который находился в трюме среди наших машин и оборудования, вдруг решил, что момент посадки — самое подходящее время для музыкального выступления. Сначала в динамиках внутренней связи послышалось тихое жужжание, потом какой-то электронный аккорд, а затем голос нашего шарообразного робота разнёсся по всему «Старшипу»:

«Мы крутые ребята, и Марс нипочём!

Не боимся мы взлёта-посадки!

Пусть трясёт корабль — нам это смешно,

Мы пройдем все марсианские прятки!

Пыль и камни нам не помеха,

Мы найдём здесь свой новый путь!

Если встретит нас марсианский меха —

Мы попросим его не тянуть!..»

Последняя строчка сопровождалась весёлым электронным хихиканьем.

Я несколько секунд просто смотрела перед собой, пытаюсь понять, правильно ли я услышала происходящее. Во время посадки на Марс, когда мы входили в атмосферу чужой планеты, Колобок решил устроить концерт.

— Что за ерунда... — пробормотала я.

Я посмотрела на своих соратников. Никто не улыбался. Все были слишком сосредоточены, чтобы реагировать на выходки робота. Ешуа продолжал держать руки на штурвале, Сильвестр следил за расчётами, а остальные на экранах ожидали момента, когда корабль коснётся поверхности.

Даже Варезка не оценила творчество Колобка. За моей спиной раздалось короткое недовольное:

— Гав!

Судя по всему, собака выражала мнение всего экипажа.

— ИИ, отключи Колобка от внутренней связи, — приказала я.

— Выполняю, — спокойно ответил корабельный разум. Весёлый голос робота исчез так быстро, словно его и не было.

Вместо песен мы услышали настоящее звучание посадки. Глубокое гудение двигателей, вибрацию корпуса, работу компенсаторов и многочисленных систем, которые удерживали огромный корабль на правильной траектории. Где-то внутри корпуса щёлкали механизмы, переключались реле, изменялись параметры двигателей. «Старшип» словно ожил, превращаясь из транспорта в сложный организм, который боролся с атмосферой планеты.

Теперь слышно было только то, что действительно имело значение: Марс, корабль, и наш путь вниз.

— Внимание, до цели осталось триста километров, — доложил ИИ.

Сильвестр, который внимательно следил за экранами, медленно кивнул. Перед ним отображались две линии: расчётная траектория и фактическая. Обычно во время таких операций они немного расходились — из-за ветров, плотности атмосферы и малейших изменений условий. Но сейчас линии почти совпадали.

ИИ вёл нас идеально.

— Мы в графике, — произнёс Сильвестр. В его голосе впервые за долгое время прозвучало настоящее удовлетворение.

Ешуа только тихо крякнул:

— Да, вижу...

Он не любил признавать, что машина справляется лучше человека, но спорить было бессмысленно.

Я ничего не ответила и продолжила смотреть на экран. Внешние камеры передавали изображение горизонта. Мы уже вошли глубже в атмосферу Марса, и чёрная космическая пустота исчезла. Теперь вокруг был не космос, а небо — необычное, чуть более плотное, чем мы ожидали. Редкие облака проходили под нами, разрываясь потоками воздуха вокруг корпуса.

«Старшип» стремительно снижался. Двигатели работали короткими импульсами, регулируя скорость. Автоматические аэродинамические поверхности меняли положение, удерживая корабль на нужной траектории. Любое неверное движение могло отправить нас в пике или заставить отклониться в сторону скалистых районов.

Но ИИ продолжал вести корабль точно. На экране появились новые данные: высота, скорость, расстояние до космодрома.

А потом мы увидели Марс таким, каким его никто из нас не видел раньше. Не старые фотографии. Не записи экспедиций. Настоящий Марс.

За тридцать лет, пока здесь существовали земные колонии, планета изменилась. Терраформирование не сделало её второй Землёй, но оно уже оставило свой след. Под нами появились равнины, где между красноватыми камнями блестели небольшие водные бассейны. И самое удивительное — растительность. Мы увидели целые участки растений, которые покрывали отдельные районы тонким ковром.

Но они были не зелёными. Они имели фиолетовый оттенок. Сильвестр, забыв на мгновение о посадке, нахмурился и наклонился ближе к экрану.

— Интересно... — пробормотал он. — Возможно, местные растения адаптировались к другому спектру солнечного излучения.

Он увеличил изображение.

— На Земле хлорофилл поглощает в основном красный и синий диапазоны света, поэтому растения отражают зелёный. А здесь условия другие. Атмосфера Марса изменилась, состав частиц в воздухе отличается, плюс солнечное излучение на поверхности распределяется иначе. Возможно, они используют другой пигмент или изменённую форму фотосинтеза. Фиолетовый цвет может быть не защитой, а эффективным способом получать энергию.

Я слушала его, продолжая смотреть вниз.

— Я и на Земле почти не видела настоящих растений, — тихо сказала я. — Только в некоторых теплицах и кадках.

Это было странное чувство. Когда-то Земля была покрыта лесами. Растения были повсюду — в городах, на полях, в горах. Люди считали их частью обычной жизни, чем-то, что будет существовать всегда.

Но после катастрофы всё изменилось. Большая часть растительности погибла в первые годы после удара Арктура. Изменившаяся атмосфера, радиация и разрушенный климат уничтожили целые экосистемы. Леса исчезли, поля превратились в пустыни, а остатки растений люди охраняли почти как драгоценности.

Только в Гигантусе сохранились настоящие деревья. Под огромным куполом этого города были созданы искусственные сады, где росли растения из старого мира. Для жителей Гигантуса это было не просто украшением — это было доказательством того, что прежняя Земля ещё не умерла полностью.

Но за пределами купола всё было иначе. Там жизнь тоже существовала, хотя и совсем другая. Некоторые животные приспособились к новым условиям. Одни ушли под землю, где температура и радиация были более стабильными. Другие изменились настолько, что уже с трудом напоминали своих предков. Были существа, которые никогда бы не выжили в старом мире, но прекрасно чувствовали себя в новом.

И теперь, глядя на фиолетовые растения Марса, я впервые подумала, что, возможно, жизнь не исчезает. Она просто меняется.

А под нами всё ближе становился наш космодром.

— Осталось двести километров! — продолжал сообщать нам ИИ.

Голос корабельного разума оставался таким же спокойным, будто он не вёл огромный корабль через атмосферу чужой планеты, а всего лишь выполнял обычную процедуру. А вот для нас эти двести километров были последним испытанием. «Старшип» уже значительно потерял скорость и находился на высоте около десяти километров над поверхностью Марса. Теперь планета перестала быть далёким красным шаром — она стала настоящей землёй под нами.

Мы находились в районе западного марсианского плато Аркадия, недалеко от зоны старого колониального строительства, где первые поселенцы планировали создать сеть транспортных узлов. Когда-то здесь проходили автоматические исследовательские миссии, а позже люди начали строить инфраструктуру для будущих городов. Но катастрофа на Земле и последующие события оставили многие проекты незавершёнными.

Через камеры мы видели, как под нами проплывали горы и скалы. Они казались гигантами, застывшими во времени на миллионы лет. Острые вершины поднимались из красной пустыни, глубокие расщелины уходили в тень, а огромные каменные массивы выглядели так, будто сама планета подняла их из глубины и оставила там навсегда.

Но за горной цепью уже начиналась равнина. Именно туда мы направлялись.

С каждой секундой расстояние сокращалось. Корабль постепенно снижался, одновременно гася скорость. Чем плотнее становилась атмосфера, тем сильнее ощущалась каждая ошибка в расчётах. Корпус «Старшипа» дрожал, по нему проходили вибрации, а крепления тихо отзывались металлическим гулом. Атмосфера Марса уже не была прежней тонкой оболочкой, которую знали первые исследователи. После преобразований она стала достаточно

плотной, чтобы огромный корабль ощущал её сопротивление почти как настоящий воздушный океан.

И именно в этот момент снова включился динамик. Мы слышали знакомое жужжание. Я сразу поняла, кто это.

Колобок:

«Экипаж наш смелый, летим мы вперёд,

Марс нас встречает, а страх пусть уйдёт!

Красная пыль, красные дали —

Мы всё равно этот шар обогнали!

Коль есть у нас лапы, колёса и сталь —

Нам даже вулкан не устроит печаль!»

Последняя строчка закончилась довольным электронным смешком. Я медленно закрыла глаза. Даже сейчас. Даже при посадке. Этот робот умудрился каким-то образом обойти отключение и снова подключиться к системе связи.

Видимо, он действительно считал, что его поэтический талант помогает экипажу пережить напряжение. Я посмотрела на остальных. Никто не смеялся.

Ешуа только сильнее сжал штурвал, Сильвестр раздражённо покосился на динамик, а Абрам вообще выглядел так, будто мысленно представлял, как закручивает Колобка какую-нибудь деталь обратно.

Только Варежка отреагировала первой. Она тихо заскулила. Судя по всему, даже собака понимала, что сейчас лучше молчать.

— ИИ, отключи Колобка, — снова приказала я.

— Выполняю, командир, — мгновенно ответил корабль.

Песня оборвалась. В рубке снова воцарилась тишина.

Теперь мы слышали только настоящее: гул двигателей, работу систем управления, щелчки автоматики и далёкий рокот марсианской атмосферы за корпусом. Только Варежка продолжала тихо поскуливать, будто всё ещё возмущалась поведением робота.

Мы смотрели вниз. Марсианская равнина приближалась.

— Осталось сто километров, — спустя некоторое время доложил ИИ.

К этому моменту «Старшип» начал менять положение. До этого корабль шёл почти горизонтально, используя атмосферу для торможения, но теперь начался следующий этап. Огромная машина медленно поднимала нос, переходя в вертикальную посадочную конфигурацию. Для человеческого глаза это выглядело почти невозможным: гигантский корабль, который только что летел как планер, теперь словно собирался остановиться и зависнуть над поверхностью.

Его чёрные термозащитные пластины раскалились от нагрузки. Они принимали на себя чудовищное количество тепла, которое возникало из-за трения об атмосферу. Без них корпус начал бы разрушаться, металл потерял бы прочность, а корабль превратился бы в падающий огненный шар.

Но защита держалась. Системы работали. Двигатели «Рапторы» начали подготовку к финальному торможению. Их гул стал глубже и сильнее.

Это был уже не просто звук работы механизмов — это было ощущение огромной силы, спрятанной внутри корабля. Под дюзами начали бушевать потоки раскалённых газов. Они ударили в атмосферу Марса, создавая настоящее огненное облако, похожее на маленький искусственный шторм.

Красноватая пыль с поверхности поднялась вокруг зоны будущей посадки, закружилась в вихрях и начала разлетаться во все стороны.

— Пятьдесят километров...

Пауза.

— Сорок...

Ещё одна.

— Тридцать километров.

Мы уже могли различить детали поверхности. Космодром. Недостроенные конструкции.

Посадочные площадки. Всё, что раньше было лишь точкой на карте, теперь становилось настоящим местом, которое могло стать нашим домом.

«Старшип» продолжал снижение. Под днищем корабля сработала гидравлическая система. Сначала открылись защитные панели. Потом медленно начали выдвигаться посадочные опоры.

Огромные механизмы, которые всё это время были спрятаны внутри корпуса, начали раскладываться и фиксироваться. Они были рассчитаны на то, чтобы принять на себя массу корабля, выдержать удар при контакте с поверхностью и удерживать многотонную конструкцию даже на неровных участках.

Каждая опора проверялась автоматически. Каждый замок проходил фиксацию. Ошибка здесь означала бы катастрофу. Потому что после посадки на этих четырёх точках должен был стоять весь корабль. Триста тонн металла, топлива, оборудования и людей. Но расчёты оставались стабильными.

— Двадцать километров...

Голос ИИ звучал всё так же спокойно. А у меня сердце билось всё быстрее. Космодром был уже совсем близко. Казалось, протяни руку — и можно достать до него.

Глава 3. Посадка

Голос ИИ в нашей рубке казался голосом самого космоса — спокойным, бесстрастным и абсолютно уверенным в том, что происходящее подчиняется законам физики, а не человеческим страхам.

— Пять километров... три километра...

Каждое слово звучало отчётливо, несмотря на то, что вокруг нас бушевала настоящая буря. Двигатели «Рапторы» ревели натужно, словно под корпусом корабля кричали разгневанные слоны и бегемоты, пытающиеся удержать огромную машину в воздухе. Их тяга была колоссальной, но даже такой мощности едва хватало, чтобы мягко остановить корабль, который ещё несколько минут назад летел с огромной скоростью через атмосферу Марса.

Корпус «Старшипа» мелко дрожал. Это была не паника машины и не сбой — просто огромная конструкция испытывала нагрузки, для которых она и была создана. По обшивке проходили вибрации, металлические элементы слегка отзывались гулом, а внутри корабля работали тысячи механизмов, удерживающих нас в безопасности. На панелях управления тревожно мигали индикаторы: температура внешнего покрытия, нагрузка на двигатели, давление в системах, состояние посадочных опор. Они не сообщали о катастрофе — они просто пели свою собственную марсианскую сонату, показывая, что каждый механизм сейчас работает на пределе возможностей.

— До точки касания сто метров, — продолжил ИИ.

Я почувствовала, как Варезка снова заскулил. Он сидел в кресле, напряжённый, с прижатыми ушами и взглядом, направленным прямо вперёд. Я была почти уверена, что где-то в трюме Колобок снова пытается петь свою героическую песню, словно хочет не столько поддержать нас, сколько убедить самого себя, что всё идёт прекрасно.

И это было странно. Робот из металла и пластика, внутри которого находились сервомоторы, лазерные системы, инструменты и даже оружие, вдруг выглядел почти живым. Казалось, что он действительно боится разбиться.

Хотя, возможно, это я сама приписывала ему свои чувства. Люди часто делают так. Мы ищем эмоции даже там, где их нет, потому что нам легче воспринимать мир, если он отвечает нам чем-то похожим на человеческую реакцию.

Но сама я не боялась. Не потому, что считала себя бесстрашной. Страх был мне знаком. Я знала его холодное прикосновение, знала, как он пытается остановить мысли и заставить тело действовать не разумом, а инстинктом. Но жизнь научила меня другому: страх можно чувствовать и всё равно идти вперёд. Нельзя позволять ему становиться хозяином.

Наверное, именно поэтому мне столько раз удавалось выйти живой из ситуаций, где шансы были против меня. Как и Алькор. Вспомнив сестру, я неожиданно почувствовала спокойствие. Где-то далеко, на другой стороне изменившейся Земли, она тоже продолжала бороться. И пока Алькор была там, пока мама ждала нас обеих, я не имела права позволить себе слабость.

— Десять метров, — произнёс ИИ.

«Старшип» уже занял строго вертикальное положение. Огромный корпус завис над посадочной площадкой, удерживаемый только тягой двигателей. Несколько секунд казались вечностью. Потом автоматика начала финальное снижение.

Корабль медленно опустился. Потоки раскалённых газов из двигателей ударили в бетонную поверхность космодрома. Вокруг нас мгновенно поднялась буря из пыли и песка. Марсианская почва взлетела вверх огромным облаком, закрутилась вокруг корабля и скрыла от камер всё, кроме яркого света двигателей.

Посадочная площадка раскалилась под воздействием плазменных струй. Старые бетонные плиты, которые десятилетиями ждали этот момент, покрылись трещинами, но выдержали. Система опор компенсировала нагрузку, принимая на себя массу корабля.

Триста тонн металла, оборудования и людей наконец коснулись поверхности Марса.

«Старшип» слегка вздрогнул. Мы все одновременно переглянулись. Несколько секунд никто не говорил. Потом на панели управления один за другим начали гаснуть индикаторы посадочного режима.

— Посадка завершена, — произнёс ИИ. — Отключаю двигатели. Начинаю сканирование окружающего пространства.

Рёв двигателей постепенно исчез. После минут напряжения тишина показалась почти оглушительной. Ешуа выдохнул и провёл рукой по мокрому лбу. Даже он, человек, который привык к опасности, не мог скрыть облегчения.

Сильвестр хлопнул себя по колену, которое у него, как и положено человеку-птице, сгибалось в другую сторону.

— Неплохая работа, — пробормотал он, глядя на экраны. — Признаю, машина рассчитала всё правильно.

Абрам повернулся к Варёжке и осторожно погладил его по голове.

— Спокойно, Варёжка. Всё закончилось. Мы уже на месте.

За иллюминаторами медленно оседала пыль. Постепенно из серо-красного облака начали проявляться очертания марсианской равнины. Я отстегнула крепления ремня, поднялась с кресла и подошла к обзорному окну.

То, что я увидела, заставило меня задержать дыхание. Марс был совсем не таким, каким его представляли старые экспедиции.

Да, он всё ещё оставался красной планетой, но теперь это был другой мир. Над равнинами висело более плотное небо с тонкими облаками, которые медленно двигались под ветром. На горизонте возвышались горные цепи, покрытые лёгкой дымкой. Между каменными участками виднелись небольшие водоёмы, а местами поверхность была покрыта необычной фиолетовой растительностью.

Терраформирование не превратило Марс в Землю. Оно создало нечто новое. Планету, которая сохранила свой характер, но получила возможность поддерживать жизнь. Я смотрела на этот чужой горизонт и пыталась осознать, что стою не на родной планете, а на другом мире.

В этот момент ИИ закончил анализ:

— Сканирование завершено. Не обнаружено ни одного человека. Все системы космодрома обесточены.

В рубке стало тихо. Сильвестр нахмурился. Он медленно поднялся и подошёл к иллюминатору. Его лицо стало напряжённым.

Я удивилась. Мы уже были на Марсе. Мы пережили посадку. Так чего же он боялся?

— Запасной космодром — это не просто площадка, — сказал он тихо. — Это объект, который должен был оставаться функциональным. Даже если новые корабли с Земли больше не приходили, здесь должны были быть люди. Технические службы. Автоматика. Кто-то должен был контролировать системы.

Он посмотрел наружу.

— Куда они исчезли?

Я тоже внимательнее присмотрелась. Теперь, когда пыль осела, мы начали видеть детали.

Космодром действительно выглядел странно. Некоторые здания казались недостроенными. Высокие смотровые башни стояли без света, терминалы выглядели так, будто их строительство бросили в самый последний момент. Но кое-где были заметны следы повреждений.

Не просто заброшенность. Разрушение.

— ИИ, дай внешние показатели, — приказала я.

Ответ последовал сразу:

— Атмосферное давление: 0,61 бара. Показатель соответствует условиям приблизительно на высоте четырёх километров над уровнем моря Земли.

На экране появились новые данные.

— Температура поверхности: плюс двадцать пять градусов Цельсия. Состав атмосферы: кислород — двадцать один процент, азот — шестьдесят два процента, углекислый газ — четырнадцать процентов. Остальные компоненты — инертные газы и примеси.

Я нахмурилась. Четырнадцать процентов углекислого газа было всё ещё много для человека без защиты, но для растений это могло быть огромным преимуществом.

ИИ продолжил:

— Магнитное поле планеты ограничено. Уровень защиты от космической радиации повышен по сравнению с исходным Марсом, но остаётся ниже земного.

На экране появились новые значения.

— Гравитация: 0,38 от земной. Воздействие на человеческий организм допустимо при ограниченном времени пребывания.

Пауза.

— Радиационный фон: выше земного уровня в два раза. Опасность при кратковременном выходе наружу умеренная. Рекомендую использование защитных костюмов либо масок с принудительным нагнетанием кислорода.

ИИ сделал короткую паузу.

— Выход без средств защиты не рекомендован.

Мы молча смотрели друг на друга. Марс действительно был пригоден для жизни. Но людей здесь не было. И это было самым тревожным открытием.

— Всем собраться в рубке! — приказала я.

На несколько секунд в ответ раздалась только тишина, а потом из динамика грузового отсека послышался знакомый голос.

— И я? — спросил Колобок с такой интонацией, будто всерьёз опасался, что его могут оставить без самого важного события в истории робота.

Я посмотрела на панель связи и невольно улыбнулась.

— И ты.

— Принято, капитан Мицар! — радостно ответил он.

Экипаж собрался примерно за десять минут. За это время поднятая посадкой пыль окончательно начала оседать, и внешний мир стал виден намного лучше. Через иллюминаторы уже можно было рассмотреть не только расплывчатые очертания космодрома, но и детали: посадочные площадки, технические здания, высокие башни связи и огромные конструкции, которые должны были когда-то стать частью полноценного марсианского транспортного узла.

Но сейчас всё это выглядело мёртвым. Не разрушенным полностью, не уничтоженным, а именно оставленным. И это было даже страшнее.

ИИ в это время передавал Сильвестру полный отчёт о состоянии «Старшипа». На одном из экранов отображались десятки параметров: температура корпуса, состояние термозащитных панелей, давление в отсеках, запас энергии, остаток топлива, уровень износа двигателей и результаты диагностики после посадки.

Сильвестр внимательно изучал каждую строку. Он не просто слушал отчёт — он проверял его. В этом был весь Сильвестр. Даже когда рядом находилась машина, способная за секунды обработать миллионы вычислений, он всё равно считал, что человеческий разум обязан участвовать в процессе. Его длинные пальцы быстро двигались по панели, открывая дополнительные схемы и сравнивая показатели.

— Незначительный перегрев внешних пластин, — пробормотал он. — В пределах нормы. Посадочные опоры выдержали. Корпус без повреждений.

Он посмотрел на ИИ.

— Неплохо.

— Уточнение: результат соответствует расчётному, — ответил корабль.

Сильвестр усмехнулся:

— Вот. Опять делает вид, что ему не приятно.

ИИ промолчал, что, по мнению Сильвестра, только подтверждало его теорию.

Когда все наконец собрались, я встала перед экипажем. Тринадцать человек. Разные судьбы. Разные характеры. И теперь все они стояли внутри корабля, который привёз нас на новый мир.

— Итак, — сказала я. — Мы на Марсе.

После этих слов сразу посыпались вопросы.

— Почему нас никто не встречает, капитан?

— Есть ли сигналы от колонистов?

— Почему космодром пустой?

— Что здесь вообще произошло?

— А что за корабль стоит на дальней площадке?

— Он работает или тоже мёртвый?

Я подняла руку, призывая всех остановиться. Шум постепенно стих.

И именно в этот момент в проём рубки медленно вкатилась знакомая шарообразная фигура. Колобок двигался неторопливо, словно специально хотел сделать эффектное появление. Его корпус был покрыт царапинами после многочисленных поездок по кораблю, но все панели блестели, а многочисленные лючки с инструментами были аккуратно закрыты.

На его металлической поверхности мигали маленькие индикаторы — зелёные, жёлтые, красные. Они показывали состояние систем, уровень энергии и режим работы. В этот момент он выглядел не просто как машина, а как маленький самостоятельный организм.

Колобок остановился в проходе, фактически перегородив его. Будто решил стать охранником рубки. И, конечно же, тихо замурлыкал какую-то свою мелодию.

— Итак, мы на Марсе, — повторила я. — И я знаю не больше вашего. На все наши запросы никто не ответил. Ни одна станция, ни один автоматический маяк, ни один колониальный канал связи. Этот космодром тоже молчит.

Я посмотрела на экран, где было видно одинокий корабль на дальней площадке.

— Что касается этого корабля...

— «Старшип», модель «Вулкан», — неожиданно пробормотал Колобок. — Всего было построено десять таких кораблей. Грузовая версия. Автоматизированная система управления. Жилых и бытовых отсеков нет. Только грузовые модули, ремонтные системы и оборудование.

Я медленно повернула голову. Колобок выглядел совершенно довольным собой.

— Спасибо, Колобок, за справочный материал, — сказала я немного сердито. — Хотя я собиралась сообщить это сама.

Робот мигнул.

— Я просто помогал.

Конечно, он действительно помогал. В этом и была проблема. Колобок был одним из лучших технических специалистов на борту, умел анализировать данные, ремонтировать системы и находить решения там, где люди сдавались. Но при этом он совершенно не чувствовал момент, когда нужно промолчать.

Он был нашим товарищем. Просто очень разговорчивым товарищем.

— Хорошо, — продолжила я. — Информации у нас мало. Поэтому проводим разведку. Сначала отправляем Колобка. Мы пока подготовимся к выходу.

— Я готов! — радостно ответил робот.

Внутри его корпуса сразу загудели сервомоторы. Он даже слегка подпрыгнул на своих механизмах, словно едва сдерживался, чтобы не рвануть наружу.

Я прекрасно понимала, что происходило. Весь полёт он провёл в ограниченном пространстве корабля. Для существа, которое воспринимало движение как часть своей работы, это было почти наказанием. А теперь перед ним был целый Марс. Открытые равнины. Горы. Кратеры. Пространство, где он мог развить скорость и проверить все свои системы.

— Постарайся ничего не взорвать, — сказала я.

— Капитан, я оскорблён таким недоверием.

— Это не недоверие. Это опыт.

— Гыгы... справедливо.

Я перевела взгляд на остальных.

— Пока Колобок будет проверять территорию, мы подготовимся к выходу. Нам нужны дыхательные маски с подачей кислорода, защитные костюмы и препараты от радиации. Атмосфера пригодна только частично.

— Здесь холодно? — спросил Сигизмунд Котовский.

Поляк выглядел как человек, который уже заранее был недоволен условиями новой планеты. Высокий, жилистый, с острым лицом и внимательным взглядом, он привык жить в дороге и постоянно оценивать опасность. Его прошлое сухопутного пирата научило его не доверять красивым пейзажам и слишком спокойным местам.

Сильвестр ответил раньше меня.

— Марс ещё не успел стать тёплым миром. Терраформирование требует времени. Да, в атмосферу добавляли парниковые газы, создавали условия для удержания тепла, но это процесс не на десятилетия. Скорее на сотни лет. Возможно, на тысячи.

Он посмотрел на данные.

— Одной антиматерией такие изменения не сделать.

— Может, и сделали бы, — спокойно произнёс Киборг. — Но двух килограммов точно недостаточно.

Он стоял рядом, медленно двигая руками и плечами, будто выполнял зарядку. Его движения были немного механическими, потому что часть его тела уже давно была заменена.

Колобок издал странный электронный звук. Никто не понял, что именно он означал. Но я знала. Робот ревновал.

Киборг был для него странным существом: не полностью человеком и не полностью машиной. Хотя на самом деле он был человеком — с настоящим мозгом, памятью, органами, чувствами и сознанием. Просто после тяжёлых травм его руки и ноги были заменены протезами, соединёнными с мощным экзоскелетом.

Кроме того, внутри его тела работал цифровой модуль, который связывал нервную систему с механическими частями. Он позволял ему управлять искусственными конечностями так же естественно, как обычными руками и ногами, а также обрабатывать информацию быстрее обычного человека.

Такие технологии когда-то разрабатывали для военных программ. Возможно, Киборг был одним из экспериментальных бойцов, а возможно — просто человеком, которому пришлось выжить после ужасной травмы. Он никогда не рассказывал подробностей. Но его способности были очевидны.

— Для полного терраформирования понадобилось бы около ста тонн антиводорода. Возможно, даже больше, — добавил он.

ИИ, который всё это время слушал разговор, тут же произвёл расчёт:

— Уточнение. Сто тонн антивещества эквивалентны примерно девяти тысячам мегатонн тротилового эквивалента.

В рубке стало тихо. Даже Колобок перестал мурлыкать.

— Такого количества энергии теоретически достаточно для масштабного изменения планетарных процессов: нагрева недр, воздействия на внутреннее ядро, усиления магнитного поля при использовании специальных технологий, а также ускоренного изменения атмосферы.

ИИ сделал короткую паузу.

— Однако практическое применение требует контроля. Некорректное использование энергии такого уровня уничтожило бы планету.

Я посмотрела на красный мир за окном.

— Оружие брать? — спросил Абрам-стрелок, щёлкая пальцами, словно дёргал за спусковой крючок невидимого пистолета.

В его движениях была привычка человека, который слишком долго жил среди опасностей. Для Абрама оружие было не просто инструментом — оно было продолжением его воли. Даже находясь внутри корабля, в безопасности, он всё равно автоматически проверял, где находится его снаряжение и насколько быстро сможет им воспользоваться.

Я кивнула.

— Конечно. Это чужой мир. И оружие всегда должно быть с нами.

— Принято, капитан, — коротко ответил он.

— Так мне выходить, капитан Мицар? — раздался голос Колобка.

По звуку было понятно, что робот уже едва сдерживается. В его корпусе жужжали сервомоторы, какие-то механизмы внутри тихо переключались, словно он разминался перед забегом.

— Да, — ответила я.

Колобок радостно пискнул и выкатился из рубки. Через камеры я видела, как он быстро направился к шлюзовому отсеку. Его движения были непривычно ловкими для такой массивной машины: он не просто катился, а постоянно корректировал скорость, подстраивая положение корпуса.

Через несколько секунд голос ИИ снова прозвучал в рубке:

— Колобок подключился к замку шлюзового отсека и активировал процедуру открытия. Люк откроется через десять секунд.

Я слегка нахмурилась.

— Не мешай ему.

ИИ не ответил сразу. Пауза длилась всего несколько секунд, но мне почему-то показалось, что корабельный разум действительно задумался над моими словами. Я прекрасно понимала его реакцию. Для ИИ «Старшипа» корабль был не просто набором систем. Он контролировал всё: двери, шлюзы, двигатели, связь, безопасность. И тут какой-то внешний робот, пусть даже наш союзник, просто подключился к его электронным цепям и начал управлять частью корабля.

Формально Колобок сделал то, что мог сделать только ИИ. То есть вмешался в работу настоящего хозяина корабля.

— Не обижайся, — сказала я, обращаясь к системе. — У Колобка просто такой характер. Он лезет туда, куда его не просили. Но он хороший товарищ и настоящий друг.

В динамике послышался едва заметный шум. Будто корабль вздохнул. Конечно, это мог быть просто звук работы вентиляции или перераспределения воздуха. Но мне всё равно захотелось думать, что ИИ действительно понял.

Через внешние камеры мы увидели, как шлюз открылся, и Колобок выкатился наружу. Марсианская поверхность встретила его красной пылью и пустотой, но робот, кажется, был счастлив. Он мгновенно набрал скорость и понёсся по территории космодрома, оставляя за собой широкий след в песке.

Он выполнял крутые виражи, резко меняя направление движения. То разгонялся по прямой, то закручивался вокруг старых посадочных маяков, то забирался на небольшие насыпи и

скатывался обратно вниз. Его шарообразный корпус идеально подходил для такого мира: там, где обычному транспорту пришлось бы объезжать камни и трещины, Колобок просто перекачивался через них.

— Кажется, ему действительно нравится Марс, — заметил кто-то.

Я не ответила. Потому что понимала: для него это была не просто разведка. Это была первая прогулка по новой планете.

— Если Колобок не обнаружит ничего опасного, выходим на поверхность, — сказала я. — На корабле останутся Сильвестр, Боцман, Генри, Фредерик и Пётр. Остальные идут со мной. Наша задача — осмотр космодрома, поиск людей, выяснение, что здесь произошло, и выявление возможных угроз.

Я посмотрела на Каримова.

— Пётр, приготовь моё багги.

— Уже готово, командир, — ответил он. — Я проверил двигатель, подвеску и систему питания. Опущу его краном после открытия грузового отсека.

Каримов всегда говорил спокойно, будто любые проблемы были всего лишь задачами, которые нужно последовательно решить. За время полёта он привёл нашу технику в состояние, близкое к идеальному, хотя никто не ожидал, что после двух недель в космосе она понадобится сразу же.

Мы направились в отсек снаряжения. Там действительно висели полноценные скафандры, но для выхода на нынешний Марс они были избыточны. Давление уже позволяло использовать более лёгкую экипировку, поэтому мы подготовили только необходимые элементы.

Первым делом — дыхательные маски. Они закрывали лицо и соединялись с компактными системами подачи воздуха. Внутри находились фильтры и маленькие компрессоры, которые обеспечивали постоянный поток кислородной смеси. Маску не требовалось снимать: питание можно было принимать прямо через специальный клапан.

Под маску надевался термокостюм — тонкий, но эффективный слой защиты, который удерживал тепло тела и не давал нам быстро замёрзнуть при выходе наружу. Он не был таким тяжёлым, как старые скафандры, зато позволял двигаться намного свободнее.

Ботинки имели усиленную подошву и систему фиксации, чтобы не скользить на каменистом грунте. На Марсе даже обычная прогулка могла превратиться в испытание: низкая гравитация меняла движения, а неровная поверхность скрывала множество опасностей.

Кроме того, мы взяли фонари, оружие, инструменты и запас питания.

Еда была рассчитана специально для таких условий: компактные питательные смеси в тубиках. Их можно было вставить в специальный клапан маски и выдавить содержимое прямо в рот, не снимая защитного оборудования.

Ещё мы получили очки с инфракрасными проекторами. Они позволяли видеть в темноте, различать тепловые следы и находить источники энергии даже внутри разрушенных помещений.

Тем временем Колобок продолжал обследовать территорию космодрома. Он объезжал одно строение за другим, внимательно осматривал технические площадки, старые ангары и различные агрегаты, которые когда-то должны были обеспечивать работу этого комплекса. Через камеры мы видели, как робот то останавливался возле какого-нибудь механизма, то выпускал манипулятор и снимал образцы пыли, то направлял на стены свои сканеры, пытаясь понять, что произошло здесь за то время, пока люди исчезли. Одни здания выглядели так, будто их строительство внезапно остановили: торчащая арматура, незаконченные перекрытия, открытые технические шахты говорили о том, что рабочие просто бросили свои инструменты и ушли. Но другие сооружения выглядели иначе — на них были следы повреждений, словно космодром пережил не просто заброшенность, а какое-то серьёзное событие. На некоторых

стенах виднелись глубокие трещины, часть оборудования была выведена из строя, а металлические конструкции покрылись ржавчиной и слоем марсианской пыли.

Колобок всё это время молча собирал информацию, и даже это показалось мне странным. Обычно он обязательно сопровождал свою работу какими-нибудь комментариями, шутками или песнями, но сейчас его электронный голос не звучал в динамиках. Видимо, даже его неугомонный характер уступил любопытству и осторожности. Он двигался между разрушенными объектами, просвечивал их в разных диапазонах, анализировал состав материалов и сравнивал полученные данные с тем, что было занесено в его память.

И вдруг робот остановился.

На экране мы увидели, как его корпус замер посреди пустой площадки, а многочисленные датчики начали поворачиваться в разные стороны. Перед ним, на покрытой красной пылью поверхности, находились следы, которые сразу привлекли его внимание. Это не были отпечатки человеческих ботинок, не были следы колёс ровера или транспортной платформы и не напоминали отметины, которые оставляла стандартная техника колонистов. Форма была совершенно иной: углубления располагались неравномерно, расстояния между ними менялись, словно существо двигалось не механически заданным способом, а живыми, непредсказуемыми движениями.

Колобок приблизился к ним и включил полный спектральный анализ. Сначала он проверил поверхность в обычном диапазоне, затем перешёл к инфракрасному сканированию, после чего добавил дополнительные режимы, пытаясь определить, что именно оставило эти следы. Он просвечивал пыль, изучал глубину отпечатков и сравнивал их с известными ему образцами. Чем дольше он работал, тем очевиднее становилось, что это не следы техники и не результат случайного разрушения.

Это было оставлено живым существом. И впервые с момента выхода на Марс Колобок не произнёс ни одной шутки.

Глава 4. Мертвый космодром

Колобок не умел бояться в том смысле, в каком боялись люди. У него не было сердца, которое могло бы забиться быстрее, не было дыхания, которое могло бы сбиться, и не было инстинкта самосохранения, заставляющего живое существо убегать от опасности. На Земле он не раз сталкивался с хищниками и агрессивными существами, появившимися после катастрофы, и всегда давал им отпор. Его корпус был достаточно прочным, а встроенный арсенал позволял справляться с большинством угроз: в его распоряжении были пулемётные установки, защитные системы и различные инструменты, которые в случае необходимости превращались в оружие.

Но сейчас он столкнулся с чем-то новым. Следы, которые он обнаружил на поверхности Марса, не соответствовали ни одному известному ему виду техники или животных. Колобок остановился и начал строить модель существа, которое могло оставить такие отпечатки. Его процессоры анализировали глубину следов, расстояние между ними, давление на грунт и направление движения.

На экране у нас появилась приблизительная схема. Сначала возникла одна версия — существо было относительно небольшим, размером с крупного земного хищника. Но через несколько секунд расчёты изменились. Если учитывать глубину продавленного грунта и особенности перемещения, выходило другое: организм должен был иметь значительную массу, намного больше человеческой, но при этом двигаться достаточно легко, чтобы не оставлять разрушительных следов.

Модель несколько раз перестраивалась, пока наконец не остановилась. То, что получилось, выглядело пугающе. Колобок предположил наличие длинных конечностей, сильных суставов и корпуса, способного выдерживать марсианские условия. Существо могло быть выше человека, обладать большой физической силой и при этом иметь лёгкое строение тела, приспособленное к низкой гравитации. Особенно настораживало то, что оно не просто прошло по поверхности — оно, судя по анализу, двигалось осознанно, меняя направление.

Для робота это был всего лишь набор данных. В этот момент из корпуса Колобка выдвинулись пулемётные блоки. Причём произошло это настолько быстро, что, казалось, он сам не сразу понял, что сделал. Его боевые системы автоматически перешли в режим готовности. Металлические панели разошлись, из шарообразного корпуса появились стволы, а сенсоры начали быстро просматривать пространство вокруг.

Колобок замер, словно прислушивался ко всему Марсу сразу. Он сканировал поверхность, проверял тепловые сигнатуры, движение воздуха, отражение звуковых волн и даже изменения в составе атмосферы.

Но вокруг была только пустыня. Никаких живых объектов. Никакого движения. Через несколько секунд он связался с нами:

— Капитан Мицар! Поле чисто. Никого живого!

Я посмотрела на экран.

— Хорошо, Колобок. Продолжай патрулирование. Осматривай территорию дальше.

— Будет исполнено! — бодро ответил робот. Его оружие ещё некоторое время оставалось выдвинутым, после чего он покатился дальше между заброшенными зданиями, время от времени поворачивая стволы в разные стороны.

Мы тем временем закончили подготовку. Несмотря на то что атмосфера Марса после терраформирования стала намного ближе к земной, она всё ещё оставалась опасной. Даже при достаточном количестве кислорода нельзя было забывать про углекислый газ. Его концентрация в некоторых районах достигала четырнадцати процентов, а такое содержание было смертельно для человека. Проблема была не только в том, что углекислый газ вытеснял кислород:

даже при нормальном уровне кислорода его высокая концентрация могла вызвать отравление, нарушение работы нервной системы и потерю сознания.

Человек мог сделать несколько вдохов такой атмосферы и даже не сразу понять, что происходит.

— Поэтому без масок никуда, — сказала я, проверяя крепления своей. — Не снимайте их ни при каких обстоятельствах. Связь держать постоянно. Если кто-то увидит что-то необычное — сразу докладывайте.

Все молча проверили оборудование.

— Думаете, здесь есть жизнь? — спросил кто-то. — Я имею ввиду не нами ввезенную, а местную?

Я посмотрела через иллюминатор на равнину, на фиолетовые растения вдали и на пустые здания космодрома.

— Жизнь здесь была очень давно, — ответила я. — Ещё задолго до того, как люди появились на Марсе.

Я немного помолчала, вспоминая то, что знала из школьных данных и отчётов колонистов.

— Миллиарды лет назад Марс был совсем другим. Примерно три с половиной — четыре миллиарда лет назад на его поверхности существовала более плотная атмосфера, а климат был намного теплее. Там были реки, озёра, возможно даже большие моря. По поверхности текла жидкая вода, а не просто лёд в грунте. Учёные находили следы древних русел и минералы, которые могли образоваться только при наличии воды.

Я посмотрела на красный горизонт.

— Потом планета начала терять атмосферу. Магнитное поле ослабло, солнечный ветер постепенно разрушал газовую оболочку, температура падала, вода уходила под поверхность или замерзала. Марс превратился в холодную пустыню.

Я вздохнула:

— Но если жизнь когда-то смогла появиться там, где сейчас только камни и пыль... почему мы должны быть уверены, что она исчезла полностью?

В шлюзовой камере стало тихо. Даже Колобок, который слышал нас по радио и обычно не мог молчать больше минуты, ничего не сказал. Возможно, на тот момент не хотел нас пугать.

А за иллюминатором лежал чужой мир, который теперь хранил свои тайны.

— Ладно, мы готовы, выходим, — сказала я, выступая вперёд.

За моей спиной выстроились мои соратники. Каждый уже проверил оборудование, оружие, связь и защитные системы. Внутри «Старшипа» было тепло и безопасно, а за массивным люком находился совершенно другой мир — неизвестный, чужой и, возможно, опасный.

Всего несколько метров металла отделяли нас от поверхности Марса.

— ИИ, открой нам проход, — приказала я.

В ответ корабль словно действительно вздохнул. Конечно, это была лишь работа вентиляционных систем и гидравлики, но в тот момент мне показалось, что «Старшип» тоже понимает важность этого мгновения. После двух недель полёта он наконец доставил нас туда, ради чего был создан.

Внутри стен загудели механизмы. Мощные гидравлические приводы начали двигать огромный люк, который медленно открылся наружу. Внутрь ворвался слабый марсианский ветер, ударив по корпусу корабля тонкой струёй пыли.

Для Колобка выход был проще. Он просто скатился по краю люка и легко преодолел двухметровую высоту благодаря своей шарообразной конструкции.

Но для нас ИИ предусмотрел лестницу. Из корпуса выдвинулась металлическая конструкция, закрепилась на поверхности, и первой по ней стала спускаться я.

На мне были дыхательная маска и термокостюм, поэтому я была защищена от большинства внешних факторов, но всё равно почувствовала прикосновение этого мира. Это было не так, как на Земле. Воздух не касался кожи напрямую, не приносил запахов леса, воды или почвы, потому что фильтры отделяли меня от окружающей среды. Но я чувствовала давление ветра, лёгкую вибрацию под ногами и понимала: здесь нет привычной защиты, нет стен базы, нет знакомого неба.

Я ступила на марсианский грунт. И в этот момент внутри смешались самые разные чувства. Радость от того, что мы достигли цели, тревога из-за неизвестности, восторг перед новым миром и одновременно страх перед тем, что этот мир может скрывать. Я чувствовала неуверенность, потому что впервые за всю историю нашей экспедиции мы больше не были пассажирами корабля — мы стали исследователями.

Наверное, примерно то же самое испытывали и остальные. За мной один за другим начали спускаться мои товарищи.

Терраформированный Марс странным образом напоминал нам Землю, которую мы покинули. Здесь были облака, ветер, вода и растения. Здесь был горизонт, который можно было рассматривать бесконечно долго. Но всё это было лишь похожим на наш дом.

Настоящая Земля погибала, а этот мир только начинал жить. Марс находился дальше от Солнца, получал меньше энергии и имел совершенно другую историю. Даже после изменений, которые провели колонисты, он оставался другой планетой. Его атмосфера, гравитация, химический состав почвы и биологические процессы отличались от земных.

Мы видели знакомые очертания, но понимали, что ступили в совершенно неизвестную экосистему.

Космодром вокруг нас оставался пустым. В полукилометре виднелись здания технического комплекса. Они выглядели ещё более странно теперь, когда мы стояли рядом с ними: огромные сооружения, которые должны были быть центром жизни, но вместо этого казались заброшенными памятниками исчезнувшей цивилизации.

Примерно в двухстах метрах от нас стоял грузовой «Старшип». Он выглядел целым. Его корпус был покрыт слоем пыли, но повреждений с такого расстояния видно не было. Я сразу подумала, что его нужно будет проверить. Внутри могли остаться ресурсы, оборудование, запасные детали, возможно, даже питание или инструменты, которыегодились бы нам на поверхности.

— Колобок, ты где? — спросила я, оглядываясь.

Ответа не последовало.

Вокруг дул ветер. Он был слабым, но достаточно сильным, чтобы поднимать мелкие частицы пыли. Они кружились вокруг наших ног, проходили по поверхности космодрома тонкими потоками и постепенно исчезали вдаль.

Низкая гравитация ощущалась сразу. Двигаться было легче, чем на Земле: шаг становился длиннее, прыжок выше, а тело казалось почти невесомым.

Для нас это было преимуществом в разведке. Но я знала, что в долгосрочной перспективе слабая гравитация могла стать серьёзной проблемой. Человеческий организм развивался под земным притяжением, и при длительном пребывании в таком мире мышцы начинали слабеть, кости теряли плотность, изменялась работа сердца и обмен веществ.

Марс мог стать домом. Но человеку пришлось бы измениться вместе с ним.

— Странно чувствовать себя в этом мире, — произнёс Сигизмунд Котовский.

Он держал автомат в руках и смотрел через прицел, словно ожидал, что из-за ближайшего холма появится враг. Для него это было привычнее: видеть мир через оружие, оценивать расстояния и искать угрозы.

— Очень странно, — добавил он. — Вроде всё спокойно, а я всё равно не верю.

— Капитан Мицар, — наконец раздался голос Колобка.

Я повернулась.

— Где ты?

— За пределами космодрома. Рассматриваю дюны.

Его голос был обычным, но меня насторожило другое. Он не шутил. Не пел. Не комментировал своё путешествие. Колобок обычно не мог находиться в новом месте и не сообщать всем подряд, насколько оно замечательное. Но сейчас он просто выполнял задачу.

Я не придавала этому значения сразу, хотя позже поняла, что должна была насторожиться. Возможно, наш шарообразный друг уже заметил что-то опасное. Просто пока не хотел нас тревожить.

Мои товарищи тем временем продолжали осматриваться.

Над нами висел Фобос — спутник Марса, небольшой и неправильной формы. Он совсем не походил на круглую Луну Земли. Это был скорее огромный каменный обломок, захваченный гравитацией планеты. Он медленно двигался по небу, и из-за своей близости казался намного крупнее, чем должен был выглядеть настоящий спутник.

Марсианское небо тоже было необычным. Оно не имело глубокого земного синего цвета. Из-за состава атмосферы и частиц пыли оно казалось бледным, с лёгким красноватым оттенком. Над нами двигались редкие, почти прозрачные облака — тонкие и рваные, словно ещё не привыкшие существовать в этом мире.

Солнце светило слабее, чем на Земле. Оно казалось меньше и холоднее, хотя всё ещё давало достаточно света и тепла.

Температура была вполне терпимой. И именно это пугало больше всего. Марс выглядел не мёртвым. Он выглядел живым. А значит, где-то в этом новом мире могли существовать не только растения и вода.

Варежка тем временем бегал вокруг меня, явно не понимая, почему все остальные готовятся к серьёзной разведке, а ему пришлось столько времени стоять спокойно. С ним пришлось повозиться, потому что обычные дыхательные маски были рассчитаны на человеческое лицо, а у собаки совершенно другая форма морды. Но Киборг, как всегда, проявил удивительную изобретательность: он что-то скрутил, подогнул крепления, заменил несколько деталей и каким-то образом сумел приспособить систему так, чтобы она плотно прилегала к морде Варежки и не мешала ему дышать.

С термокостюмом получилось не менее сложно. Обычная человеческая экипировка совершенно не подходила для четвероногого существа, но Киборг быстро разобрался и с этой задачей. Он перешил крепления, расширил некоторые участки, добавил фиксаторы для лап и даже сделал защиту для хвоста. В результате на нас смотрел пёс, который выглядел настолько необычно, что трудно было удержаться от улыбки.

Варежка сначала чувствовал себя неуверенно. Он осторожно переставлял лапы, словно не понимал, что делать с этим новым слоем на теле. Маска мешала ему привычно дышать, костюм ограничивал движения, и несколько минут он ходил напряжённый, с недовольным видом.

Но потом быстро привык. Это был всё-таки Варежка. Если уж он пережил разрушение Земли, опасные встречи с мутантами и путешествие в космосе, то какая-то новая одежда точно не могла его остановить.

Через некоторое время он уже бегал почти как обычно, только теперь его «гав» мы не слышали. Его голос оставался внутри маски, и вместо привычного лая до нас доходили только слабые звуки дыхательной системы. Но настроение собаки было понятно и без слов: по тому, как он вилял хвостом и носился вокруг нас, было ясно, что он доволен.

Все любили Варежку. Даже самые суровые из нас не могли скрыть улыбку, когда смотрели на него.

— Итак, разделимся на две группы, — сказала я, когда подготовка закончилась. — Одна группа осматривает грузовой «Старшип», другая проверяет здания космодрома.

Никто не возразил. Наоборот, все понимали, что это самый разумный вариант. Территория была слишком большой, а времени у нас было недостаточно, чтобы исследовать всё одним отрядом.

— Со мной идут Рафаэль, Георгий, Киборг и Варежка, — продолжила я. — Ешуа, ты берёшь остальных и направляешься к грузовому кораблю. Осмотрите его полностью, проверьте состояние систем и составьте список всего, что там осталось. Возможно, там есть оборудование или ресурсы, которые нам пригодятся.

— Есть, капитан! — отчеканил Морган.

Он быстро собрал свою группу и направился в сторону стоящего неподалёку грузового «Старшипа».

Я же повела своих людей к ближайшим зданиям. Варежка сразу побежал вперёд, потом возвращался, снова убегал и смотрел на меня так, словно предлагал забыть обо всём и просто поиграть. На Земле он часто делал так же: даже в самые тяжёлые моменты умудрялся напоминать нам, что жизнь состоит не только из опасностей.

Но сейчас мне было не до веселья. Я шла медленно, внимательно осматривая каждый метр.

Ничто не предвещало непосредственной угрозы, но космодром всё больше напоминал место, где произошло что-то плохое. По дороге нам попадались искорёженные металлические конструкции, покрытые пылью и следами разрушения. На некоторых стенах виднелась копоть, будто по ним прошёл поток раскалённого газа или кто-то использовал мощное огнестрельное оружие. Несколько агрегатов были разбиты, панели вырваны, кабели свисали наружу.

Это не было похоже на обычное заброшенное место. Здесь явно что-то случилось. Но что именно? Здание перед нами оказалось недостроенным и одновременно повреждённым. Часть помещений выглядела так, будто строители просто ушли и никогда не вернулись. А другие участки были разрушены уже после этого.

Я пыталась найти логичное объяснение. Марсотрясение? Но планета геологически спокойна. Здесь нет такой активной тектоники, как на Земле. Сильный шторм? Возможно, но даже марсианские ветры вряд ли могли так повредить тяжёлые конструкции. Война? Но кто мог воевать здесь? Колонисты, которые должны были создавать новый дом для человечества, не стали бы уничтожать собственную базу.

Эти мысли крутились в голове, когда вдруг Варежка остановился. Он замер посреди движения и поднял левую переднюю лапу.

Мы остановились почти одновременно. В этом жесте было что-то настолько знакомое, что я сразу поняла: он что-то почувствовал.

Мы медленно приблизились к входу в здание. И тогда увидели его.

На земле лежал скелет. Человеческий. Несколько секунд никто не произносил ни слова. Кости были частично покрыты пылью и песком, но сомнений не оставалось. На останках всё ещё сохранились элементы защитного костюма — остатки ткани, крепления, части дыхательной системы. Костюм был разорван, словно его не просто бросили, а что-то повредило. На шевроне сохранилась надпись «Юрий Кондратьевич Чмошка, интендант».

Металл на некоторых участках был погнут. Пластины защиты имели следы сильных ударов. Это не выглядело как человек, который спокойно умер от старости или нехватки ресурсов. Это выглядело так, будто он от кого-то защищался.

Холод прошёл по нашим спинам. Оружие поднялось почти одновременно. Киборг мгновенно активировал свои сенсоры. Его искусственные глаза изменили фокус, он просканировал помещение, проверил пространство вокруг здания и даже проанализировал воздух. Через несколько секунд он произнёс:

— Никого.

Я всё ещё держала револьвер «Таурус» в руке и внимательно осматривала вход.

— Колобок, ты где? — спросила я по связи.

Ответ пришёл почти сразу.

— За зданием, капитан.

— Ты что-нибудь обнаружил?

На этот раз робот не ответил мгновенно. Повисла короткая пауза. И это было необычно для Колобка.

— Да...

Я напряглась.

— Что именно?

— Огромные кости, — сообщил он.

Мы переглянулись.

— Чего? — одновременно спросили несколько человек.

— Кости и панцирь какого-то животного. Очень большого. Оно частично занесено песком. По строению напоминает... краба. Только размер намного больше.

Я почувствовала, как внутри появляется тревога. Значит, жизнь на Марсе действительно существовала. Но не в древности. Не миллиарды лет назад. А гораздо позже.

— Может, это останки прежней жизни, — неуверенно предположил Георгий. — До того момента, как Марс потерял атмосферу и воду. Если здесь когда-то были океаны...

Киборг покачал головой:

— Три миллиарда лет — слишком большой срок. Органические материалы не сохраняются так долго в таких условиях. Даже кости разрушились бы. Нет, это относительно свежие останки.

Я сразу включила связь:

— Ещуща, осторожнее. Мы нашли человеческий скелет. Колобок обнаружил останки неизвестного огромного существа.

Ответ Моргана пришёл быстро:

— Вас понял, капитан Мицар. Мы уже у грузового «Старшипа». Будем внимательны и проверим всё.

Я отключила связь и снова посмотрела на пустое здание. Теперь мы знали одно. Марс не просто был заброшен. Здесь кто-то жил. И кто-то или что-то заставило их исчезнуть.

Глава 5. Хищник

Вдруг Киборг остановился так резко, что я едва не налетела на него. Его механические пальцы мгновенно сжали оружие, ствол поднялся вверх, а голова начала медленно поворачиваться из стороны в сторону. Я подумала, может, опять головокружение, он с утра жаловался на тошноту, и я ему дала пару таблеток по рекомендации ИИ.

Но нет, дело было в другом. Датчики, встроенные в его искусственные глаза, работали на пределе возможностей. Он словно прислушивался не только к окружающим звукам, но и к чему-то такому, что было недоступно обычному человеку. Напряглись и мы. За время наших путешествий по Земле я давно усвоила простую истину: если этот человек-полумашина насторожился, значит, причина есть. Его электронные системы в экзоскелете замечали угрозы раньше, чем их обнаруживал любой из нас.

— Ты что? — тихо спросила я, стараясь не повышать голос.

— Оно здесь, — таким же тихим голосом ответил Киборг.

Он продолжал смотреть по сторонам, затем медленно опустил взгляд вниз. Мы невольно последовали его примеру. Несколько секунд ничего не происходило. А потом под ногами раздался сухой треск.

Сначала едва слышный. Затем громче. Бетонная поверхность перед входом в здание покрылась тонкими извилистыми трещинами. Они разбегались во все стороны с пугающей скоростью, словно под плитами просыпалось что-то огромное. Земля вздрогнула. Из щелей ударили струйки красноватой пыли. Послышался глухой скрежет, будто гигантские жернова начали перемалывать камень прямо под нами.

— Назад! — крикнул Киборг.

Мы отскочили буквально за мгновение до того, как бетон взорвался фонтаном обломков. Огромные куски плит взлетели в воздух. Пыль поднялась плотным облаком. Из разлома показалось нечто живое.

Сначала я увидела только панцирь. Он был чудовищно огромным. Затем из клубов пыли появились конечности. Одна. Вторая. Третья. Существо медленно поднималось из-под земли, словно выбиралось из собственной норы.

Перед нами оказался гигантский крабоподобный организм размером с небольшой грузовик. Его тело покрывал толстый многослойный панцирь фиолетово-ржавого цвета. Оттенки постоянно менялись под солнечным светом: где-то броня казалась тёмно-лиловой, где-то почти чёрной, а местами напоминала окислившийся металл. Панцирь состоял из множества наложенных друг на друга пластин, между которыми виднелись гибкие перепонки. По краям этих пластин тянулись острые костяные выступы длиной с человеческую руку.

Из передней части туловища выступали шесть мощных клешней. Каждая из них была размером с человека. Внутренние кромки клешней были усеяны зазубринами, напоминавшими зубы пилы. При смыкании они издавали сухой металлический щелчок. Ниже располагались десять длинных суставчатых ног, покрытых шипами и крючьями. Они непрерывно двигались, словно существо не могло находиться в покое даже секунду.

Но больше всего пугала его голова. Если это вообще можно было назвать головой. Вместо двух глаз, как у земных животных, на передней части тела располагались сотни глазных линз различного размера. Одни были крупными, как кулак взрослого человека, другие едва заметными. Они непрерывно вращались и переливались тёмно-зелёными, жёлтыми и багровыми оттенками. Между ними шевелились десятки длинных усиков и щупалец, покрытых чувствительными волосками.

Создавалось впечатление, что чудовище одновременно смотрит во все стороны. Я мысленно сразу окрестила его е-крабом.

От существа исходил резкий звук. Тонкий. Пронзительный. Он был похож одновременно на свист перегретого пара и визг циркулярной пилы. От этого звука неприятно занули зубы. Казалось, что е-краб кого-то зовёт. Или предупреждает остальных представителей своего вида держаться подальше от его добычи.

Вместе со звуком пришёл запах. Даже сквозь фильтры маски я почувствовала его. Это была тяжёлая смесь тухлой рыбы, сырости, йода и чего-то гнилого. Настолько отвратительная, что желудок непроизвольно сжался.

Е-краб развернулся к нам всем телом. Его сотни глаз одновременно сфокусировались на нашей группе. Несколько секунд он просто изучал нас.

И в этот момент мне стало абсолютно ясно, что произошло с человеком, чей скелет лежал у входа. Разорванный костюм. Раздробленные кости. Следы борьбы. Теперь всё складывалось в единую картину. Колонист встретил это существо. И проиграл.

Для местной жизни мы не были разумными существами, прилетевшими с другой планеты. Мы были мясом. Новой добычей. Возможно, даже редкой и особенно ценной.

Размышлять дальше времени не было.

— Огонь! — крикнула я и нажала на спуск. Револьвер «Таурис» рывкнул в моих руках.

Пуля ударила прямо в одно из крупных глазных яблок чудовища. Глаз лопнул фонтаном густой тёмной жидкости. Е-краб издал такой визг, что воздух буквально задрожал.

— Огонь! — поддержали меня товарищи.

Грохот выстрелов заполнил пространство. Автомат Георгия застрочил длинной очередью. Рафаэль бил короткими прицельными сериями. Киборг стрелял особенно хладнокровно: его оружие почти не отклонялось, а каждая пуля ложилась в уязвимые участки между панцирными пластинами.

Пули выбивали искры. Некоторые рикошетили от брони. Другие пробивали более мягкие участки тела. Тёмная кровь брызгала на бетон и стены здания.

Е-краб взревел своим жутким свистящим голосом и попятился назад. Несколько его глаз были уничтожены, одна клешня судорожно дёргалась, но отступление вовсе не означало поражение.

Существо было слишком большим. Слишком живучим. Оно продолжало двигаться вперёд. Шесть гигантских клешней раскрывались и смыкались, словно чудовище уже представляло, как разрывает нас на части. Его ноги крошили остатки бетонных плит, а панцирь выдерживал большую часть попаданий.

Тогда я впервые по-настоящему испугалась. Потому что поняла: если на Марсе водятся такие твари, то исчезновение колонистов может иметь куда более страшное объяснение, чем заброшенный космодром или авария.

И где-то в глубине души возникла мысль, от которой стало совсем не по себе. А что, если этот е-краб здесь не один?

— Колобок! Ты где, паразит?! — заорала я в микрофон рации, одновременно пытаюсь удержать револьвер на цели. — Нас тут атакует монстр!

Ответом мне стало не слово, а звук. Где-то за зданием внезапно раздалось мощное жужжание электромоторов, а в следующую секунду воздух прорезал оглушительный рёв автоматического оружия. Этот звук невозможно было спутать ни с чем другим. Электрические пулемёты Колобка вступили в работу.

Из-за угла здания шарообразный робот выкатился на такой скорости, словно собирался таранить противника собственным корпусом. Боковые бронепанели его тела разошлись в стороны, открывая две вращающиеся пулемётные установки. Из стволов вырвались непрерывные потоки огня.

Е-краб как раз собирался броситься на нас. Но не успел. Сотни тяжёлых пуль ударили в его панцирь практически одновременно. Первые попадания выбивали лишь осколки брони

и оставляли на ней белёсые отметины. Однако Колобок не прекращал огонь. Его вычислительные системы мгновенно нашли наиболее уязвимые участки между пластинами панциря и начали буквально вгрызаться в них свинцовым потоком.

Существо издало оглушительный визг. Пули рвали суставы ног, выбивали глаза, дробили хитиновые пластины. Несколько очередей сосредоточились на одной из клешней, и та неожиданно отлетела в сторону, перекувырнувшись в облаке пыли. Из раны выплеснулась густая тёмно-фиолетовая масса, напоминавшая одновременно кровь и расплавленную смолу.

Е-краб попытался развернуться к новому противнику, но было уже поздно. Колобок продолжал стрелять с нечеловеческим хладнокровием. Его стволы слегка корректировали направление после каждого попадания, а вычислительная система непрерывно перераспределяла огонь. Панцирь чудовища начал трескаться. Сначала появились небольшие разломы, потом одна из пластин лопнула полностью, открыв внутренние ткани.

Туда и ударили новые очереди. Разрывные эффекты тяжёлых пуль буквально вспороли внутренности существа. Наружу хлынула вязкая серо-фиолетовая масса, смешанная с какими-то кристаллическими включениями. Несколько секунд е-краб ещё пытался двигаться, перебирая оставшимися ногами и отчаянно визжа, однако его тело уже перестало подчиняться командам нервной системы.

Последняя очередь прошла центральную часть туловища насквозь. Гигантская тварь вздрогнула. Затем медленно завалилась набок. Под её массой хрустнули остатки бетонных плит.

Визг оборвался. Наступила тишина. Лишь ветер гонял по космодрому красноватую пыль. Колобок ещё несколько секунд держал пулемёты направленными на поверженного противника, словно не доверял собственной победе. Убедившись, что существо окончательно мертво, робот убрал оружие внутрь корпуса и недовольно прожужжал:

— На эту консервную банку ушло три тысячи пятьсот сорок шесть патронов калибра двенадцать и семь миллиметров. Если так тратиться, то у меня запаса надолго не хватит.

— Надеюсь, это был один такой, — прошептала я, осторожно приближаясь к туше.

Теперь, когда опасность миновала, размеры твари выглядели ещё более впечатляющими. Лежащий на боку е-краб возвышался над нами как небольшой бронетранспортёр. Развороченный панцирь дымился. Из многочисленных пробоин медленно вытекала густая жидкость, а десятки глаз уже начали мутнеть.

В этот момент в рации раздался голос Ешуа Моргана:

— Капитан Мицар, мы движемся к вам! Сейчас окажем огневую поддержку!

— Нет! — быстро ответила я. — Не отвлекайтесь от задания. Колобок уже прикончил е-краба.

Несколько секунд в эфире стояла тишина.

— Кого? — наконец переспросил Морган.

— Е-краба, — повторила я. — Так я назвала эту тварь.

— Понятно, — после короткой паузы ответил спецназовец. — Если наша помощь не требуется, продолжаем осмотр грузового «Старшипа».

Связь отключилась.

Я посмотрела на своих спутников. Даже через прозрачные щитки масок было видно, какое впечатление произвела на них встреча с местной фауной. Рафаэль не сводил глаз с мёртвого чудовища, словно пытался убедить себя, что оно действительно больше не шевелится. Георгий выглядел растерянным и то и дело переводил взгляд со скелета колониста на тушу е-краба, явно сопоставляя одно с другим. Даже Киборг, обычно сохранявший полное спокойствие, стоял неподвижно и внимательно анализировал показания своих датчиков.

Мы летели на Марс, ожидая увидеть заброшенные базы, технику, следы деятельности колонистов. Но никто из нас не предполагал встретить здесь многотонных хищников.

Колобок тем временем подъехал вплотную к туше и выпустил несколько анализаторов. Его датчики прошли по панцирю, внутренним тканям и вытекшей жидкости. Процесс занял меньше минуты.

Наконец робот произнёс:

— Это не углеродная жизнь.

— Чего? — не поняла я.

— Это кремниевая жизнь, — уточнил он.

— Что это вообще значит? — спросил Георгий.

Честно говоря, я и сама имела лишь смутное представление об этом термине. Что-то такое рассказывали учёные ещё на Земле, когда рассуждали о возможности существования инопланетян.

Ответил Киборг. Как обычно, его встроенные базы данных оказались полезнее любой энциклопедии.

— На Земле вся известная жизнь построена в основном на соединениях углерода, — начал объяснять он. — Наши клетки, ткани, белки, жиры и ДНК используют углерод как основу для построения сложных молекул. Однако ещё в двадцатом и двадцать первом веках учёные предполагали, что в иных условиях может существовать жизнь на другой химической базе. Одним из наиболее вероятных кандидатов считался кремний.

Он присел возле пробитого панциря и коснулся его рукой.

— Кремний находится в той же группе химических элементов, что и углерод. Он тоже способен образовывать сложные структуры и длинные цепочки соединений. Правда, на Земле такие формы жизни оказались бы менее эффективными, потому что наши температура, давление и состав атмосферы лучше подходят углеродной биохимии.

Киборг постучал пальцем по одной из пластин. Раздался звук, напоминающий удар по керамике.

— Но Марс — другое дело. Миллиарды лет развития в иных условиях могли привести к появлению организмов, использующих кремний вместо углерода. Их ткани должны быть намного прочнее наших. Некоторые органы могут иметь свойства минералов или кристаллов. Возможно, именно поэтому панцирь этой твари выдержал столько попаданий.

— То есть это настоящий инопланетянин? — спросил Рафаэль.

— Скорее всего, да, — ответил Киборг. — Причём представитель биосферы, которая развивалась независимо от земной жизни. Если мои расчёты верны, то перед нами первое доказательство существования совершенно иной ветви эволюции во Вселенной.

Я посмотрела на гигантскую тушу е-краба и неожиданно почувствовала тревогу. Если это был местный хищник, то он должен был чем-то питаться. А если он чем-то питался, значит, на Марсе существовали и другие живые существа.

Возможно, более крупные. Возможно, более опасные. И где-то среди этих мыслей вновь всплыл вопрос, который мучил меня с момента посадки: куда исчезли колонисты?

— Капитан Мицар! — раздался в наушниках голос ИИ «Старшипа». — Прошу вас доставить на борт образцы тканей е-краба для дальнейшего анализа. Нам необходимо определить биохимический состав организма, возможные уязвимые места и способы эффективной борьбы с подобными хищниками.

Пока ИИ говорил, я невольно посмотрела в сторону нашего корабля. Серебристый корпус «Старшипа» возвышался над космодромом, словно наблюдатель, который видел происходящее через многочисленные внешние камеры. Искусственный Интеллект не мог испытывать любопытства в человеческом понимании этого слова, но сейчас в его голосе слышалась почти научная заинтересованность. Мы столкнулись с первой внеземной формой жизни, и корабль прекрасно понимал ценность такой находки.

— Патроны не жалеть — вот способ борьбы с ними, — прокряхтел Колобок. — Эх... три тысячи пятьсот сорок шесть патронов... Три тысячи пятьсот сорок шесть! Вы хоть понимаете, сколько это? Это же целая бухгалтерская трагедия!

— Не ворчи, — ответила я. — Лучше срежь нужные куски и захвати с собой. Мы идём дальше осматривать здание.

— Вечно самая неприятная работа достаётся мне, — пробубнил робот. — Словно я мясник какой-то...

В его корпусе открылся очередной лючок, и наружу выдвинулась циркулярная пила. Диск быстро раскрутился, подняв тонкий визг. Колобок подъехал к туше е-краба и без особых церемоний начал разделять добычу. Искры летели во все стороны, когда пила встречалась с наиболее твёрдыми участками кремниевого панциря. Временами звук становился таким, будто кто-то пытался распилить гранитную плиту.

Робот методично вырезал несколько фрагментов брони, затем добрался до внутренних тканей. Оттуда показалась странная серо-фиолетовая масса с металлическим блеском. Она напоминала одновременно плоть, минерал и какой-то искусственный материал. Колобок не стал долго разглядывать образцы. Из его корпуса выдвинулись небольшие герметичные контейнеры с автономным охлаждением. Каждый кусок отправлялся внутрь, после чего крышка с шипением закрывалась, создавая необходимый температурный режим.

— Всё для науки, — проворчал робот. — Если потом выяснится, что эта штука ещё и вкусная, я буду требовать премию.

— Киборг, ты идёшь впереди, — приказала я. — У тебя лучше всех получается замечать неприятности.

На лице человека-машины появилась лёгкая улыбка:

— Принято, капитан.

Мне иногда казалось, что опасность доставляет ему удовольствие. Возможно, дело было в прошлом. Возможно, в том, что его искусственные системы постоянно требовали новых данных и новых задач. А может быть, причина заключалась в обычном человеческом характере. Несмотря на металлические конечности и встроенные вычислительные модули, Киборг оставался человеком, причём человеком, который привык жить на грани риска.

Он двинулся вперёд первым. Мы последовали за ним, не опуская оружия.

Теперь космодром воспринимался совсем иначе. Если раньше он казался просто заброшенным объектом, то после встречи с е-крабом в каждом проломе, каждой тени и каждой гряде обломков могла скрываться новая опасность.

Мы медленно обходили главное здание. Чем дальше продвигались, тем сильнее становились заметны следы разрушений. Некоторые стены обрушились наружу, словно их выбило мощным внутренним взрывом. Металлические фермы были погнуты и перекручены. В нескольких местах бетон оказался проломлен снизу вверх, и теперь я невольно вспоминала, как е-краб вырвался из-под земли прямо у нас под ногами.

Местами на стенах виднелись длинные борозды, оставленные чем-то острым. Они тянулись на несколько метров и пересекали металлические панели так, словно неизвестное существо царапало их гигантскими когтями. В других местах сохранились следы огня. Чёрная копоть покрывала бетон, а некоторые конструкции вообще выглядели расплавленными.

— Это уже не похоже на обычную стройку, которую забросили, — тихо заметил Георгий. Я молча кивнула.

Первый скелет мы обнаружили возле грузового входа. Человек лежал на боку, словно пытался отползти. Его защитный костюм был разорван в районе груди, а одна рука отсутствовала. Судя по состоянию останков, смерть настигла его много лет назад.

Второй скелет находился внутри полуразрушенного технического помещения. Рядом валялся автоматический карабин. Магазин был пуст. По всему полу были разбросаны стреляные гильзы. Колонист отстреливался до последнего.

Третий скелет оказался самым жутким. Он лежал возле аварийного выхода, заваленного обломками. Человек явно пытался выбраться наружу, но не успел. Панцирные следы на бетоне рядом с останками не оставляли особых сомнений относительно того, что произошло.

Мы остановились возле него. Никто не произносил ни слова. Становилось всё очевиднее, что строительство резервного космодрома прекратилось не из-за нехватки ресурсов и не из-за технических проблем. Люди ушли отсюда не добровольно.

Или вообще не ушли. Слишком много останков. Слишком много разрушений. Слишком много признаков борьбы.

Я посмотрела на тёмные коридоры здания, уходящие вглубь комплекса, и почувствовала, как внутри снова просыпается тревога. Е-краб был огромным существом. Настолько огромным, что его невозможно было не заметить.

Но гораздо сильнее меня беспокоила другая мысль. Если строители космодрома погибли от таких тварей, то где остальные тела? И сколько ещё подобных существ скрывается под красной марсианской почвой вокруг нас?

Рафаэль долго смотрел на разрушенные стены, на разбросанные вокруг обломки и на следы борьбы, которые теперь уже невозможно было принять за обычную аварию. Он был крепким мужчиной с широкими плечами, немного сутулым от привычки постоянно работать с тяжёлыми механизмами. Его руки всегда были покрыты мелкими царапинами и следами ожогов от сварки — руки настоящего механика, который привык чинить машины не в лабораторных условиях, а там, где от его мастерства зависела жизнь. Но сейчас даже он выглядел растерянным. Его лицо, обычно спокойное и сосредоточенное, стало напряжённым, а взгляд то и дело возвращался к пролому в здании, словно он ожидал, что из темноты снова появится что-то живое.

— Мрачная картина, капитан, — наконец выдавил Рафаэль.

Я понимала его. На Земле мы видели вещи, которые могли бы навсегда изменить человека: разрушенные города, мутировавших животных, людей, превратившихся в хищников ради выживания. Мы сталкивались с войнами, голодом и безумием тех, кто пытался построить новый мир на руинах старого. Но здесь, за сотни миллионов километров от родной планеты, всё воспринималось иначе. Будто мы снова вернулись в самое начало того кошмара, который пережили на Земле. Только теперь перед нами была чужая планета, и она не собиралась принимать нас как гостей.

— Мы летели сюда, чтобы помочь колонистам терраформировать Марс, — тихо сказала я. — Но, похоже, земные изменения могли разбудить то, что миллиарды лет находилось в состоянии покоя. Возможно, эта жизнь существовала здесь задолго до того, как мы появились. Просто раньше условия были слишком суровыми: холод, разреженная атмосфера, отсутствие стабильной воды. А когда появились плотный воздух, тепло и новые источники энергии, местные организмы начали выходить наружу.

— Капитан Мицар, — пробурчал Колобок, который всё это время изучал остатки е-краба. — Для такого существа требуется минимум двести килограммов органического материала. Это значит, что он не случайный житель данного места. Он здесь охотился. Регулярно.

Эти слова заставили нас снова посмотреть на мёртвую тушу. До этого мы воспринимали е-краба как нападение, как неожиданную угрозу. Но теперь становилось понятно, что это не случайный зверь, забредший на территорию космодрома. Это был элемент местной экосистемы.

— То есть здесь может существовать гораздо более сложная биологическая среда, — продолжил мысль Колобка Киборг.

На его лице появилась странная улыбка. Человеческая, но с оттенком чего-то холодного и расчётливого. Он проверил магазин своего оружия и защёлкнул его с механической точностью.

— Мы пока не знаем, кто находится на вершине этой пищевой цепочки, — сказал он. — Но я точно не хочу оказаться в ней на нижнем уровне. Судя по останкам колонистов, местные хищники не делают различий между нами и любой другой добычей.

— Органические соединения они используют без проблем, — добавил Рафаэль, внимательно рассматривая остатки тканей е-краба. — Значит, земная биология для них вполне совместима с их метаболизмом.

Я молча перебирала варианты. Перед нами была сложная ситуация. Мы прилетели искать людей, а вместо этого нашли заброшенный космодром, погибших колонистов и неизвестную форму жизни, которая явно чувствовала себя хозяином этой территории. Но паника никогда не помогала принимать решения. Мы не раз выбирались из ситуаций, где шансы казались против нас, и сейчас было важно не повторить ошибки тех, кто оказался здесь до нас.

— В целом картина становится понятнее, — наконец сказала я. — Космодром частично разрушен, частично так и не достроен. Колонисты могли перебраться в другие поселения, которые мы зафиксировали перед посадкой. То, что они не отвечают, ещё не означает, что все погибли.

Я посмотрела на товарищей и заметила, как они напряглись, ожидая продолжения.

— Поэтому не будем делать поспешных выводов. Сначала дождёмся данных от Ешуа и его группы. А пока возвращаемся на «Старшип». За бронёй корабля и под защитой его систем мы будем чувствовать себя намного увереннее.

Никто не возразил. Даже Колобок, который обычно первым вставлял свои комментарии, лишь тихо прожужжал и покатился рядом. Первая вылазка дала нам слишком много информации, но одновременно породила ещё больше вопросов. Прежде чем двигаться дальше, нужно было разобраться с тем, что мы уже знали: изучить данные, проверить оборудование, понять возможности противника и только потом снова выходить наружу.

Мы медленно направились обратно к кораблю.

Марсианский ветер стал сильнее. Он был не таким мощным, как земные ураганы, но его хватало, чтобы поднимать с поверхности мелкие частицы пыли. Красноватый песок струйками перекатывался по равнине, забивался в трещины между плитами космодрома и оседал на огромном панцире мёртвого е-краба. Пыль скользила по его фиолетово-ржавой броне, словно сама планета пыталась скрыть следы существования, которое миллионы лет жило под её поверхностью.

Солнце уже начало опускаться к горизонту. Здесь оно выглядело меньше, чем с Земли, и свет его был немного слабее, более холодным. Лучи проходили через изменённую марсианскую атмосферу, окрашивая небо в необычные оттенки — от золотистого у самого горизонта до густого розово-сиреневого выше. Редкие облака медленно плыли над равнинами, и на мгновение Марс казался почти красивым.

Почти. Потому что теперь мы знали: под этой красотой скрывается жизнь. И она вовсе не обязательно была дружелюбной.

Глава 6. Биология Марса

Я сидела в небольшой, но удивительно уютной кают-компании «Старшипа» и наблюдала, как Боцман раскладывает еду для нашего экипажа. Несмотря на то что корабль был рассчитан на семьдесят человек, сейчас нас было всего тринадцать, поэтому просторное помещение казалось почти пустым. Здесь находились мягкие кресла, закреплённые к полу, чтобы не потерять их при ускорениях, длинный стол с фиксирующими креплениями для посуды, небольшая зона приготовления пищи и несколько экранов, на которых можно было вывести любую информацию — от карты полёта до состояния систем корабля. Стены были покрыты светлыми панелями, а мягкое освещение делало это место похожим не на часть космического корабля, а на обычную комнату отдыха где-нибудь на Земле.

Боцман, как всегда, относился к приготовлению еды с такой серьёзностью, будто готовил для целой армии. Он расставлял контейнеры, проверял температуру и недовольно ворчал, если кто-то пытался взять что-нибудь раньше времени. Настоящего свежего мяса и овощей у нас, конечно, не было, но за годы после катастрофы люди научились делать многое даже из ограниченных запасов. Сублимированные продукты после восстановления водой и обработки выглядели не так аппетитно, как настоящая еда, но Боцман умудрялся превращать их во что-то вполне похожее на домашний обед.

На столе появились кусочки «курицы», восстановленной из белковой смеси, картофельное пюре, несколько видов овощных концентратов и даже подобие помидоров — маленькие красные шарики, которые когда-то были частью земных запасов. Больше всего меня удивляло, что Боцману удавалось добавлять в это разнообразие какие-то специи, создавая ощущение нормальной еды. А рядом стояли кружки с горячей жидкостью, которую он называл чаем, хотя настоящего чайного листа там, скорее всего, было не больше, чем живых деревьев на старой Земле.

Сам Боцман, раскладывая приборы, тихо мурлыкал себе под нос старую ирландскую песню, которую, кажется, слышал ещё до того, как стал пиратом.

— Эх, по морю шёл матрос один,
искал свой дом среди глубин... — негромко напевал он. —
И ветер знал его мечты,
и волны помнили пути...

У него был низкий хриплый голос, совсем не похожий на профессиональное пение, но в этом и была его прелесть. Он пел не для красоты, а потому что музыка помогала ему сохранять спокойствие.

Тем временем остальные не сидели без дела. Сильвестр вместе с несколькими членами экипажа продолжал обход корабля и вручную проверял все основные системы. Конечно, ИИ «Старшипа» постоянно контролировал каждый узел, показывал давление в трубопроводах, температуру двигателей, уровень энергии и состояние корпуса, но мои люди всё равно считали необходимым лично убедиться, что всё работает.

Они проверяли шлюзы, осматривали механизмы фиксации, проверяли соединения, заглядывали в технические отсеки. Это было не только вопросом безопасности. После всех событий на Земле мы привыкли полагаться не только на приборы. Любая система могла выйти из строя, любой датчик мог ошибиться, а человеческий взгляд иногда замечал то, чего не видел даже самый совершенный компьютер. Кроме того, постоянная работа помогала им сохранять привычный ритм. В космосе без дела люди быстро начинали думать о плохом.

А вот Колобок, наоборот, был занят настолько, насколько вообще мог быть занят шарообразный робот. Он устроился в лабораторном отсеке, куда доставил образцы е-краба. Манипуляторы осторожно переносили куски ткани в анализаторы, которые один за другим запус-

кали сканирование. Лучи проходили через образцы, камеры увеличивали структуру клеток, а компьютеры пытались понять, как устроен организм существа, которое никогда раньше не встречалось человечеству.

Колобок катался вокруг оборудования и постоянно комментировал процесс.

— Держи на шашлык! Не пережарь! — заявил он одному из автоматических анализаторов.

ИИ «Старшипа», который контролировал лабораторию, ответил своим ровным голосом:

— Не учи учёного, консерва.

Колобок возмущённо прокрутился на месте.

— Кто уж бы говорил! Если бы не я, ты бы сейчас ржавел где-нибудь на космодроме Бока-Чика! Это я тебя запустил!

— Ваше вмешательство в систему управления было не предусмотрено протоколами, — спокойно ответил ИИ.

— Зато результат отличный!

— Результат мог быть катастрофическим.

— Но не стал же!

Я невольно улыбнулась, слушая их спор. В каком-то смысле они были похожи. Два искусственных разума, один созданный как корабельная система, другой — как автономный робот, и оба считали себя более важными.

Варежка в этот момент сидел рядом и внимательно слушал их перепалку. Пёс не понимал всех технических терминов, но прекрасно улавливал интонации. Иногда он тявкал, словно соглашаясь с ИИ, иногда поворачивался к Колобку и гавкал уже в его поддержку. При этом на чью-то сторону он окончательно не вставал. Его хвост активно вилял, а сам он прыгал между ними, словно пытался помирить двух спорщиков.

Именно такие моменты напоминали мне, что даже после всех катастроф, войн и разрушений мы всё ещё оставались живыми существами. Мы могли спорить, смеяться, раздражаться и привязываться друг к другу.

Я же всё это время ждала возвращения группы Ешуа Моргана. Они слишком долго находились на грузовом «Старшипе». Конечно, там могло быть много интересного: оборудование, запасы, детали, данные. Но задержка всё равно заставляла меня беспокоиться. На Марсе мы уже убедились, что самые неприятные сюрпризы могут ждать там, где их совсем не ожидаешь.

Рядом Георгий Макклой и Рафаэль обсуждали найденного е-краба. Я сначала слушала их краем уха, но потом поняла, что разговор стал довольно интересным.

— Я всё равно считаю, что это не обычный организм, — говорил Георгий. — Слишком многое в нём похоже на машину. Этот панцирь, структура тканей...

Рафаэль покачал головой.

— Не обязательно. Земные животные тоже имеют невероятные способности. Вспомните насекомых или глубоководных существ. Просто мы привыкли считать, что жизнь должна выглядеть как мы.

— Но кремниевая основа...

— Почему нет? Если миллиарды лет назад условия были другими, эволюция могла выбрать совершенно иной путь.

— А значит, мы можем столкнуться с целой экосистемой?

— Именно это меня и пугает, — ответил Рафаэль.

В этот момент Георгий вдруг повернулся ко мне.

— Вы согласны со мной, капитан Мицар?

Я даже немного растерялась. Оказалось, что я почти не слушала их разговор. Мои мысли были далеко — на Земле.

Я думала об Алькор. О моей сестре. О маме. Сейчас, после падения Гигантуса, там было ещё опаснее. Тысячи людей разбежались по окраинам разрушенного Нью-Йорка, создавая новые поселения и банды. К этому добавлялись мутировавшие животные, военные группировки, пираты и те, кто пытался установить новый порядок силой.

А ещё оставался Комиссар. Я знала, что он не забудет поражение и обязательно попробует вернуть утраченное влияние. У него всё ещё могли быть ресурсы. Последним символом старой силы считался сухопутный ядерный авианосец «Кузнецов» — огромная машина на гусеничном ходу, пережившая катастрофы и войны. Когда-то подобные корабли создавались как оружие последней эпохи человечества, а теперь они стали последними гигантами среди руин. О нём ходили страшные истории: говорили, что его орудия уничтожили целые районы Пекина и Хошимина, когда старый мир окончательно начал рушиться.

— Так что, капитан? — снова спросил Георгий.

Я моргнула и вернулась в реальность.

— Извини, Георгий. Я была невнимательна.

Я подняла планшет с отчётами по «Старшипу»:

— Мне нужно проверить данные корабля. Поэтому я сосредоточилась на показателях...

— Ох, извините, капитан, — смутился он.

Но тут из кухни раздался мощный голос Боцмана:

— Так долго мне ждать?! Быстро есть! Всё остынет! Подогревать второй раз не буду!

Эта команда сработала лучше любого сигнала тревоги. Даже Колобок прекратил спор с ИИ и покатился в сторону кают-компаний. Люди начали выходить из отсеков, подтягивая ремни, снимая перчатки и обсуждая последние новости.

Голод действительно был одним из лучших стимуляторов человеческой активности. После опасностей, страха и напряжения обычная еда напоминала нам простую вещь: мы всё ещё живы. А значит, у нас ещё был шанс найти тех, кто ждал нас на Марсе.

В этот момент, когда разговор за столом уже начал переходить от усталого обмена предложениями к обычным бытовым темам, голос ИИ неожиданно раздался из динамиков:

— Achtung, на борт вступает группа Моргана.

Я подняла голову. «Ахтунг» — это было что-то новое в лексиконе нашего корабельного интеллекта. За всё время полёта я слышала от него десятки языков, но обычно он выбирал наиболее нейтральный вариант общения. Оказывается, в его огромной базе данных были не только современные языки Земли, но и давно забытые диалекты, мёртвые языки древних цивилизаций и даже экспериментальные языковые системы, которые люди когда-то создавали для общения с машинами. Видимо, сейчас ему просто захотелось продемонстрировать свои знания.

Колобок, конечно же, не мог упустить возможность вставить свои пять копеек. Причём его никто не просил переходить на немецкий.

— Ja, ich werde gehen und diese Gruppe großer und furchtloser Forscher begrüßen! — бодро заявил он, что в переводе означало: «Да, я пойду и встречу эту группу великих и бесстрашных исследователей!»

В ответ из динамиков немедленно прозвучал спокойный голос ИИ:

— Geh, geh, du Konservendose! — «Иди, иди, консервная банка».

Колобок на секунду замер, словно его электронное достоинство было глубоко ранено.

— Du bist nur neidisch, du Satz aus Zahlen und Zeichen! — ехидно ответил робот. — «Ты просто завидуешь, набор цифр и знаков!»

После этого он важно развернулся и покатился в сторону шлюзового отсека, явно довольный своей победой.

— Хватит ругаться! — рявкнула я.

На несколько секунд наступила тишина. Даже ИИ ничего не ответил, а Колобок лишь тихо прожужжал, делая вид, что полностью занят важными задачами. Варежка с любопытством

смотрел то на него, то на меня, явно пытаюсь понять, почему два умных существа ведут себя как щенки, которым не дали игрушку.

Перед тем как выкатиться из кают-компаний, Колобок неожиданно остановился около пса и выдвинул небольшой контейнер.

— Тебе тоже надо поддерживать энергию, пушистый член экипажа, — сказал он.

Внутри была питательная смесь, похожая на ту, которую мы использовали для себя. Варежка сначала осторожно понюхал содержимое, потом посмотрел на меня, словно спрашивая разрешения. Я кивнула, и он с удовольствием начал есть. Его морда смешно двигалась из-за дыхательной маски, что еще висела на шее, а хвост энергично вилял. Видимо, даже после выхода на чужую планету у него оставалось главное собачье качество — способность радоваться простой еде.

Когда Колобок исчез за дверью шлюза, разговоры за столом продолжились. Все обсуждали, что могли найти наши товарищи на грузовом «Старшипе». Киборг, как обычно, рассуждал логически.

— Сам факт, что корабль стоял на площадке в таком положении, уже многое говорит, — произнёс он. — Он не просто был оставлен. Его готовили к старту. Двигательные системы наверняка проверяли, грузовые отсеки были заполнены. Значит, кто-то планировал использовать его.

— Но почему тогда не улетели? — спросил Фредерик.

Киборг пожал плечами.

— Вот это и надо выяснить.

Я почти механически ковыряла вилкой картофельное пюре, иногда отправляя в рот кусочки мяса. Еда была нормальной, Боцман постарался, но аппетита почти не было. Слишком много вопросов появилось после первой вылазки. Каждый ответ открывал новую загадку.

Я внимательно слушала Киборга. Он никогда не снимал свой экзоскелет. Для него это уже не было просто оборудованием — оно стало частью его самого. Механические руки и ноги заменяли утраченное тело, а встроенные системы позволяли ему видеть то, что обычный человек не мог заметить: изменения температуры, химический состав воздуха, движение объектов. Иногда я забывала, что внутри этой конструкции находится живой человек.

Тем временем Фредерик и Пётр обсуждали наше дальнейшее передвижение.

— Если мы собираемся ехать к поселениям, надо подготовить транспорт, — говорил Каримов. — Марсианская поверхность непредсказуема. Нужны запасные аккумуляторы, ремонтный комплект, дополнительная защита.

— И лучше проверить багги ещё раз, — добавил Фредерик. — После столкновения с местной живностью я бы не рассчитывал только на скорость.

Вскоре двери кают-компаний открылись, и вошла группа Ешуа Моргана. Они выглядели уставшими, но напряжёнными. Обычно после удачной вылазки люди возвращались с облегчением, но сейчас на их лицах не было радости. Сигизмунд держал оружие так, словно всё ещё ожидал нападения, Абрам внимательно осматривал помещение, а Ларсен выглядел задумчивым.

Ешуа Морган шёл впереди. Это был высокий мужчина с суровым лицом бывшего спецназовца. За время полёта его борода немного отросла, а усталые глаза выдавали, что он слишком долго находился в состоянии постоянной готовности.

— Можно к вам, капитан? — спросил он, указывая на свободное место рядом со мной.

— Присаживайтесь.

Он сел, и Боцман тут же поставил перед ним тарелку.

— Сначала еда, потом доклады, — сказал он без права на возражение.

Ешуа не спорил. Когда он сделал несколько первых глотков, я спросила:

— Так что нашли?

Морган вздохнул и посмотрел на меня:

— Корабль цел. Но ИИ отключён. Причём не просто выключен. Его систему управления полностью заблокировали. Мы пока не смогли понять, как восстановить доступ.

В кают-компании стало тише.

— Без ИИ он не сможет вернуться на Землю, — продолжил Ешуа. — В его резервуарах осталось три грамма антивещества. Этого достаточно для ограниченного манёвра и полёта по гиперболической траектории, но не для нормальной миссии.

Я нахмурилась.

— Никого на борту?

— Никого. Ни живых, ни мёртвых.

Он сделал паузу.

— Но груз...

— Что с грузом?

Ешуа выглядел так, будто сам не мог поверить в то, что увидел.

— Вот именно это нас и смутило.

Он провёл рукой по лицу.

— Внутри были машины и оборудование.

Я пожала плечами:

— Обычная техника колонистов? Энергостанции? Механизмы для грунтовых работ?

Мини-металлургические котлы?

Морган медленно покачал головой.

— Нет.

— Тогда что? — меня уже раздражала медлительность ответов товарища.

Тот посмотрел на Ларсена, как бы намекая — твоя очередь пояснять. Инженер-энергетик молчаливый норвежец всё это время сидел, уставившись в стол. Теперь он поднял взгляд.

— Капитан Мицар... это не техника человечества, — выдавил он.

После этих слов в кают-компании наступила такая тишина, что я услышала работу вентиляции.

Я замерла. Слова Ларсена будто зависли в воздухе.

— То есть? — медленно спросила я.

— Неизвестные сплавы. Неизвестная конструкция. Формы, которые не соответствуют нашим инженерным принципам. Там есть механизмы, назначение которых мы пока даже не можем определить.

Он сделал паузу.

— Но одно ясно. Это создано разумной цивилизацией.

Сильвестр буквально подпрыгнул на своих страусиных ногах:

— Вы нашли марсиан?!

— Мы не нашли живых существ, — остановил его Ешуа. — Мы нашли то, что не было создано людьми.

Он посмотрел на каждого из нас.

— А кто это создал — мы пока не знаем.

За иллюминаторами тем временем окончательно наступила ночь. Солнце исчезло за горизонтом, оставив после себя только слабое свечение в марсианском небе. Над пустым космодромом появились первые звёзды, но теперь они казались не такими далёкими и прекрасными, как раньше. Потому что среди них был мир, который мы считали мёртвым. А теперь он показал нам, что у него есть свои тайны.

Я встала из-за стола и медленно подошла к иллюминатору. За толстым стеклом была чужая планета, огромная, молчаливая и одновременно пугающе красивая. Марс уже не был тем красным пустынным миром, каким его представляли старые учёные. Терраформирование

изменило его: появилась более плотная атмосфера, редкие облака, вода в низинах, растения с необычным фиолетовым оттенком. Но всё равно это был не наш мир. Здесь всё было другим — свет, воздух, цвета, сама природа.

Особенно после того, как мы нашли следы чужой цивилизации. Колонисты обнаружили эти устройства и решили отправить их на Землю. Возможно, они надеялись, что тамошние учёные смогут разобраться в назначении этой техники. Может быть, эти механизмы были ключом к чему-то невероятно важному: восстановлению атмосферы, ускорению терраформирования, возвращению погибшей экосистемы Земли.

Но меня мучил один вопрос. Если эта цивилизация действительно была настолько развитой, почему она исчезла? Если у них были технологии, способные изменить целую планету, почему Марс три миллиарда лет назад превратился в холодный пустой мир? Что же произошло?

— Находка действительно поразила нас, — сказал Ешуа. — Но одно можно сказать точно: это самое ценное, что человечество получило за последние десятилетия.

— В чём же её ценность? — задумчиво спросил Сильвестр.

Он сидел, вытянув свои необычные ноги, и одной рукой почесывал колено, которое сгибалось совершенно иначе, чем у человека. Его страусиная анатомия всегда выглядела странно, но сейчас он настолько серьёзно размышлял, что никто даже не обращал внимания на его внешний вид.

— Ты говоришь, что не знаешь предназначение этих устройств, — продолжил он. — А вдруг это просто древняя марсианская машина для приготовления пирожков?

Я невольно улыбнулась, представив эту картину. Где-то под поверхностью Марса миллиарды лет назад шестирукие существа с несколькими глазами могли стоять у огромного инопланетного аналога кухни и загружать тесто в сложный кристаллический аппарат, который с важным гулом выдавал горячие пирожки. Возможно, у них были свои рецепты, свои традиции и свои споры о том, какой соус лучше подходит к марсианской выпечке.

Но Морган не разделял нашего веселья.

— Вряд ли колонисты стали бы загружать на грузовой «Старшип» неизвестные устройства только ради эксперимента, — сказал он. — Они понимали ценность находки. Значит, считали, что это может изменить ситуацию.

Боцман слушал молча, только иногда кряхтел и качал головой, словно пытался переварить не еду, а саму мысль о древней цивилизации. Фредерик и Пётр сидели рядом и внимательно следили за разговором. Каримов время от времени делал пометки в планшете, видимо, уже думая, как можно будет использовать найденные технологии в ремонте или оборудовании.

Киборг сидел неподвижно. Его механические пальцы иногда двигались, будто он что-то набирал в невидимом интерфейсе. Он производил расчёты, анализировал данные, сопоставлял информацию, которую хранил его встроенный компьютер. Что именно он искал — никто не знал.

Рафаэль и Георгий медленно ели, но тоже внимательно слушали. Ларсен и Сигизмунд казались спокойными, однако оба что-то записывали на бумаге. Видимо, привычка работать вручную осталась даже в мире планшетов и искусственных интеллектов.

А Абрам-стрелок вообще не принимал участия в разговоре. Он сидел чуть в стороне и чистил свой револьвер. Делал он это спокойно, почти медитативно: разбирал механизм, проверял детали, протирал каждую часть. Для него оружие было не просто инструментом, а гарантией того, что очередная неизвестная тварь не станет последним, что мы увидим.

— Чтобы исследовать эту технику и понять её назначение, понадобятся месяцы, если не годы, — сказала я. — А у нас нет такого времени. Нам нужны ответы сейчас. Поэтому мы должны найти тех, кто может что-то знать.

— Каких ещё «тех»? — удивлённо спросил Ешуа.

Ответил ему Киборг.

— Поселения колонистов. В первую очередь Синий и Бритваланд.

Он поднял голову, и его голос стал более механическим.

— Синий — один из первых марсианских поселений нового поколения. Основан внуками Илона Маска как опорная колония во время программы восстановления Марса. Расположен в районе древней равнины Элизиум, ближе к экваториальной зоне, где проще поддерживать температуру и использовать солнечную энергию. Население около четырёх тысяч человек. Там находится второй по значимости космодром после главного марсианского узла.

На экране появилась карта.

— Бритваланд расположен севернее, ближе к региону с большими подземными запасами льда. Это более крупный город, около десяти тысяч жителей. Там работают фабрики по производству пищи, одежды, оборудования для выживания и деталей машин. В городе два космодрома.

— Расстояние? — спросила я.

— До Синего — примерно триста километров. До Бритваланда — около пятисот.

Я не стала долго думать.

— Едем в Синий. Завтра утром. Я, Варезка, Киборг, Абрам, Сильвестр, Макклой и Котовский.

— И я, — неожиданно сказал Ешуа.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет.

Он нахмурился.

— Капитан...

— Ешуа, ты остаёшься здесь. Наш «Старшип» — единственный рабочий корабль, который у нас есть. Если с ним что-то случится, мы потеряем возможность не только улететь, но и поддерживать связь с Землёй. Лучше тебя никто не сможет организовать оборону.

Он хотел возразить, но промолчал.

— Ты будешь моим заместителем здесь.

После короткой паузы он кивнул.

— Есть, капитан.

— А я? — вдруг раздался знакомый голос.

Колобок всё это время молча качался в стороне, словно игрушка-ваманька, которую забыли выключить. Теперь его корпус повернулся ко мне.

— Почему меня нет в списке умных и красивых исследователей?

Варезка насмешливо гавкнул.

— Сам ты дурак, — тут же обиделся робот, обращаясь к собаке.

Пёс снова гавкнул, уже явно довольный.

— Тебя тоже берём, — сказала я.

Индикаторы Колобка радостно замигали.

В этот момент заговорил ИИ «Старшипа»:

— Я завершил первичный анализ биологического материала, полученного из организма е-краба.

Все сразу посмотрели на стены, где находились динамики.

— Давай, — сказала я.

Несколько секунд корабль молчал, словно сам ИИ собирал данные.

— Образец не относится к известным земным формам жизни. Организм основан не на углеродной структуре, как большинство земных организмов, а на кремниевой биохимии.

В кают-компании стало тихо.

— Его клеточные структуры используют соединения кремния в качестве основы для создания сложных молекул. Генетическая система отличается от земной ДНК и РНК. Вместо нуклеотидной цепи используется более стабильная информационная структура на основе кремниево-органических соединений.

Сильвестр нахмурился.

— То есть у него тоже есть что-то вроде генов?

— Верно. Информация о строении организма хранится в молекулярных структурах. Принцип похож на земную наследственность, но химическая основа отличается.

ИИ продолжил:

— Метаболизм организма использует окислительные процессы. Предполагается использование минералов, соединений металлов и доступной органики. Образец способен перерабатывать углеводные формы жизни.

Фредерик поднял брови.

— То есть эта тварь может есть нас?

— Да, — спокойно ответил ИИ. — Его организм способен извлекать необходимые химические элементы из углеродной биологии.

Несколько секунд никто не говорил. Потому что теперь стало ясно: мы прибыли не просто на новую планету. Мы прибыли в новый мир. И этот мир уже давно существовал без нас.

На экране лабораторного модуля начали появляться сложные схемы. ИИ «Старшипа» вывел результаты анализа не просто в виде таблиц, а в виде трёхмерных моделей, которые вращались в воздухе над проектором. Мы увидели структуру клеток е-краба, его молекулярные цепи и то, что заменяло этому существу привычную нам ДНК.

Я подошла ближе. Передо мной возникла спиральная структура, чем-то напоминающая двойную спираль земной ДНК, но отличающаяся почти во всём. Она была не построена из углеродных оснований, а содержала сложные кремний-органические соединения. Вместо привычных аденина, тимина, гуанина и цитозина ИИ обнаружил четыре других информационных блока, соединённых кремневыми связями.

— Это генетический носитель е-краба, — пояснил ИИ. — Аналог земной ДНК. Но химическая основа отличается.

На экране появились обозначения.

— Земная ДНК использует углеродный каркас:

$C_5H_{10}O_4$ — дезоксирибоза

и азотистые основания:

$C_5H_5N_5$ — аденин

$C_5H_6N_2O_2$ — тимин

$C_4H_5N_3O$ — цитозин

$C_5H_5N_5O$ — гуанин

Но структура организма е-краба построена на кремневых аналогах. Основу молекул составляет цепь:

— $Si - O - Si - O - Si -$

То есть вместо углеродного скелета органических молекул используется кремний-кислородный каркас.

На мониторе возникла схема, где вместо привычных хромосом были огромные кристаллоподобные структуры.

— Геном е-краба содержит около 9,8 миллиардов информационных единиц, — продолжил ИИ. — Для сравнения: геном человека содержит около 3 миллиардов пар оснований.

— Получается, он сложнее нас? — спросил Георгий.

— Не обязательно, — ответил ИИ. — Количество генетической информации не определяет уровень интеллекта напрямую. Большая часть структуры отвечает за адаптацию к окружающей среде.

Экран изменился, показывая внутреннее строение организма. Теперь мы увидели его клетки. Хотя слово «клетки» было не совсем правильным. У е-краба это были многослойные минерало-органические образования. Внутри находились полости, заполненные жидкостью, в которой двигались микроскопические структуры.

— Его ткани не похожи на земные, — объяснил ИИ. — Вместо белковых мышечных волокон используются кремниевые полимеры. Они обладают высокой прочностью и способны менять форму под воздействием электрических импульсов.

Сильвестр наклонился ближе к экрану.

— То есть его мышцы работают как смесь биологии и электроники?

— Верно, — подтвердил ИИ. — Можно сказать, что организм е-краба частично является естественным биомеханизмом.

На другом экране появилась схема метаболизма.

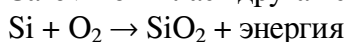
— Основной энергетический цикл отличается от земного. Организм способен использовать химическую энергию соединений железа, серы и кремния.

ИИ вывел предполагаемую реакцию:

— Это один из возможных вариантов получения энергии. Пирит и другие минералы могут выступать как источник электронов.

Затем появилась другая схема:

— Кремниевые структуры могут формироваться и восстанавливаться за счёт окислительных процессов.

Киборг задумчиво посмотрел на экран:

— То есть этот организм буквально может питаться камнями?

— В определённой степени, — ответил ИИ. — Однако для роста ему нужны дополнительные элементы: металлы, вода, соединения азота и сложная органика.

На следующей модели показалась пищеварительная система е-краба. Она была совершенно иной: вместо желудка имелись несколько камер, где происходило химическое разложение веществ.

— Обнаружены ферменты, — сообщил ИИ. — Но они не белковой природы. Их структура напоминает каталитические кристаллы.

— А человеческое мясо он зачем ел? — спросил Фредерик.

— Организм углеродных существ содержит большое количество полезных элементов: углерод, водород, азот, фосфор. Е-краб способен перерабатывать эти вещества.

На экране появилась таблица состава его тканей.

— Условно его организм использует:

углерод — для создания полимеров,

кремний — для каркаса тканей,

металлы — для электрических процессов,

воду — как растворитель и транспортную среду.

Я смотрела на всё это и ощущала странное чувство. Мы всегда думали, что жизнь должна выглядеть только так, как на Земле. Белки, ДНК, клетки, углеродная химия. А здесь, на Марсе, существовало что-то другое. Не пришельцы из старых фантастических фильмов. Не разумные существа с кораблями. А просто жизнь. Другая. А может быть, намного древнее нашей.

— ИИ, — тихо спросила я. — Насколько давно мог появиться этот организм?

Несколько секунд он молчал.

— Точная оценка невозможна. Но по скорости адаптации и сложности структуры предполагаемый возраст вида — от нескольких миллионов до нескольких сотен миллионов лет.

В кают-компании снова стало тихо. Потому что теперь мы понимали: е-краб был не случайной мутацией. Он был частью марсианской экосистемы. И мы только что вошли в неё. Сильвестр молча рассматривал на мониторе структурную схему этого огромного краба.

Глава 7. Планы Москватауна

Виктор Семёнович Путченков, Верховный Комиссар России и глава Москватауна — одного из последних крупных купольных городов, — совсем не был похож на тот образ, который десятилетиями рисовала государственная пропаганда. На официальных плакатах его изображали высоким, могучим, почти былинным героем с волевым лицом и спокойным взглядом человека, который держит судьбу народа в своих руках. Реальность была совсем иной. Путченков был маленького роста, почти карлик, с непропорционально широким торсом, сутулой спиной и длинными руками, которые при движении напоминали конечности большого примата. Его голова была полностью лысой и блестела под светом ламп, словно отполированный металлический шар. Через левую часть лица проходил старый шрам, пересекавший губу и придававший ему постоянное выражение жесткости. Узкие глаза смотрели исподлобья, и в этом взгляде было что-то неприятное — смесь холодного расчёта, подозрительности и уверенности в собственной власти.

Особенно пугающими были его челюсти. После многочисленных операций они были усилены механическими имплантами и гидравлическими приводами. Официально говорилось, что это медицинская необходимость после травмы, полученной во время войны за выживание, но ходили слухи, что Комиссар специально усилил их, превратив собственное тело в оружие. Металлические элементы позволяли ему обладать необычной силой укуса, способной разрушать твёрдые материалы. Иногда в моменты ярости он терял контроль над собой и нападал на тех, кто провинился перед ним. Его ближайшее окружение знало: если Комиссар начинает улыбаться, это часто означало, что кто-то скоро перестанет быть частью его аппарата власти.

— Так будет со всеми, кто не понимает мои приказы, — говорил он своим подчинённым. И те понимали.

Путченков не терпел слабости. В его мире существовали только победители и те, кто ещё не понял, что проиграл. Те, кто служил ему, старались угадывать его желания раньше, чем он успевал отдавать распоряжения. Однако даже это не всегда спасало. В Кремлёвском Дворце Москватауна иногда после закрытых совещаний оставались следы жестоких расправ, а охрана молча убирала последствия очередного приступа гнева Верховного Комиссара. Труп уносили ногами вперед, а кровь просто смывали водой из шланга.

Должность Верховного Комиссара формально была выборной, но фактически стала почти пожизненной. После катастрофы, изменившей Землю, старые государства рухнули. Взрыв Арктура, ударная волна которого прошла через Солнечную систему, лишил планету значительной части атмосферы. Исчезли огромные территории, высохли моря, разрушились города, погибло большинство растений и животных. То, что раньше называлось цивилизацией, превратилось в разрозненные поселения, военные анклавы и купольные города.

Москватаун был одним из таких городов.

Когда-то Москва была одним из величайших городов планеты, но от её прежнего величия почти ничего не осталось. Над руинами возвышался гигантский купол, закрывающий поселение от внешнего мира. Под ним жили около двухсот тысяч человек: военные, инженеры, рабочие, учёные и их семьи. Город был одновременно крепостью и домом. Его улицы были прямыми, строгими и функциональными, вместо парков стояли энергетические установки и системы очистки воздуха, а вместо привычных площадей — плацы для построений.

Жизнь в Москватуне была построена на дисциплине. Люди ходили строем, ежедневно звучали команды, дети с раннего возраста изучали историю государства и военную подготовку. На стенах висели огромные полотнища с символами новой России, а жители регулярно собирались для политических собраний. Именно поэтому Виктор Семёнович чувствовал себя здесь не просто руководителем, а продолжателем старой эпохи.

Сейчас он стоял в комнате политической информации и молитв. Перед ним на стене висели портреты трёх исторических фигур, которых он считал основателями великого прошлого: Сталина, Ленина и Дзержинского. В комнате царила почти религиозная атмосфера. Для Путченкова это было священное место, где он оставался один на один со своими убеждениями.

Он считал, что официальные ритуалы должны соблюдаться буквально. Поэтому перед портретами он стоял без мундира, утверждая, что перед историей человек должен быть полностью открыт и не скрывать ничего за тканью и знаками отличия.

Его фигура на этом фоне выглядела необычно: широкое тело, короткие ноги, огромные ступни, длинные руки и слегка согнутая спина. Но сам Путченков не видел в этом недостатков. Для него тело было всего лишь инструментом власти.

Он опустился на колени, раскрыл книгу и начал читать вслух: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь...» Его голос был низким и хриплым. Он проводил пальцами по страницам, словно обращался не к книге, а к прошлому.

После окончания молитвы Путченков поднялся, подошёл к портретам и долго смотрел на них. Затем медленно коснулся каждого изображения губами.

— Ваши дела продолжатся, — тихо сказал он. — Пока существует Россия, существует и ваша воля.

Он вытер слезу, повернулся и подошёл к шкафу, где хранилась его форма. Через несколько минут на нём уже был чёрный кожаный френч с высоким воротником. На груди блестяли награды: орден «Великий Лаврентий Берия», «Кутузов второй степени», «Мужества», медаль «За Победу над Куала-Лумпуром», а также несколько меньших знаков отличия.

Путченков считал себя человеком скромным и никогда не награждал себя без причины. Впрочем, его «скромность» в понимании окружающих была весьма своеобразной: список наград всё равно занимал почти всю грудь.

Одевшись, он вышел из комнаты и направился в свой рабочий кабинет.

Кабинет Верховного Комиссара был одновременно командным центром и музеем. На стенах висели портреты политических деятелей прошлого, военных лидеров и героев новой России. Но два портрета были перевёрнуты вверх ногами — Михаила Горбачёва и Бориса Ельцина. Для Виктора Семёновича они были символами предательства и слабости, людьми, которые, по его мнению, разрушили страну задолго до катастрофы.

Он сел за массивный стол, включил терминал и нажал кнопку связи.

— Кто там?

Из динамика послышался хриловатый голос адъютанта:

— Верховный Комиссар, прибыл начальник разведки Геннадий Маркелович Петрушка.

Путченков откинулся в кресле.

— Пусть войдёт.

Через несколько секунд дверь кабинета открылась.

В помещение на карачках вполз генерал-майор Геннадий Маркелович Петрушка. Это был человек уже немолодой, с тяжелым взглядом и усталым лицом, на котором словно навсегда отпечатались служба в системе, где ошибка могла стоить жизни. Он был широкоплечим, но заметно сутулился, будто постоянное давление власти согнуло его физически. Волосы его давно поседел, а под глазами лежали глубокие тени бессонных ночей. Впрочем, несмотря на внешний вид, Петрушка оставался одним из самых опасных людей в Москватауне — не потому, что обладал армией, а потому, что знал слишком многое.

Таковы были правила приема у Верховного Комиссара. Никто не входил к нему как равный. Посетитель должен был буквально показать свое положение еще до того, как произнесет первое слово. Даже генералы, министры и руководители крупнейших ведомств ползли по красной дорожке, ведущей к столу Путченкова, и ждали разрешения подняться. Если Комиссар

был раздражен, человек мог оставаться в таком положении весь разговор, выкладывая отчеты и оправдания, а потом так же отползать назад, не поворачиваясь к нему спиной.

В последние дни именно так получили свои аудиенции министр финансов и глава комитета оборонной промышленности. Они прибыли с докладами о нехватке ресурсов, о падении производства и о невозможности выполнять все распоряжения Комиссара, но в итоге закончили встречи униженными и избитыми. Путченков не любил, когда ему говорили слово «невозможно». Для него существовало только два варианта: приказ выполнен или виновный недостаточно старался.

Правда, Петрушку он почти никогда не трогал. Не из уважения — Путченков вообще редко уважал людей. Скорее потому, что начальник разведки был ему действительно нужен. Геннадий Маркелович приносил информацию, которую больше никто не мог достать, и иногда именно эта информация позволяла Комиссару принимать решения.

Петрушка медленно дополз до стола и остановился.

— Разрешите доложить, товарищ Верховный Комиссар, — произнес он, не поднимая глаз. — Прибыл с отчетом.

Виктор Семёнович сидел в кресле, окруженный экранами и документами. Его пальцы отбивали по столу медленный ритм, похожий на марш, который он когда-то слышал на военных парадах. Внешне он казался спокойным, но Петрушка хорошо знал этот признак: когда Комиссар становился тихим, это было опаснее, чем когда он кричал.

— Целуй, — коротко сказал Путченков.

Он вытянул ногу, обутую в массивную черную туфлю 52 размера. Петрушка без колебаний выполнил приказ, после чего получил разрешение подняться.

— Садись и докладывай.

Генерал-майор сел напротив и активировал планшет. На экране появилась схема Марса, затем фотографии космодромов и кораблей.

— Последнее донесение от нашего агента Крота с Марса.

Путченков сразу оживился.

— Так, так...

— Колонисты обнаружили оборудование неизвестного происхождения. Первичный анализ показывает, что оно не создано человеческой промышленностью.

Комиссар наклонился вперед.

— Не человеческой?

— Да. Пока неизвестно, кто его изготовил и для чего. Но колонисты считают, что это может быть связано с технологиями управления планетой.

Путченков прищурился.

— Управления планетой...

Он произнес эти слова медленно, будто пробуя их вкус.

— Продолжай.

— Они загрузили часть оборудования на грузовой «Старшип». Предполагалось отправить находку на Землю для изучения.

На лице Комиссара появилась улыбка.

— Значит, они сами собирались привезти нам подарок.

Петрушка промолчал.

— Мы перехватим груз.

Испытывая спектр различных эмоций, Виктор Семёнович откинулся назад.

— У нас еще есть «Генерал Кузнецов».

Его настроение на мгновение изменилось. Он вспомнил другой корабль — «Пётр Великий», который должен был выполнить похожую задачу, но был уничтожен у Гигантуса, города

на территории США. Тогда погиб экипаж, а драгоценное антивещество и технологии добычи воды с глубины в 500 километров достались врагам. Эта мысль раздражала его до сих пор.

— К сожалению, — осторожно продолжил Петрушка, — грузовой «Старшип» не стартовал.

Улыбка исчезла.

— Почему?

— Неизвестно. Наш агент перестал выходить на связь.

В кабинете стало тихо. Путченков медленно посмотрел на экран.

— Он мертв?

— Скорее всего.

Несколько секунд Комиссар ничего не говорил. Потом Петрушка добавил:

— Но есть еще одна информация.

— Говори.

— Две недели назад с космодрома Бока-Чика стартовал «Старшип». Наши спутники засекли его.

Виктор Семёнович резко поднял голову.

— Я думал, у них закончились корабли.

— Мы тоже так считали. Но один остался в ангаре Техаса.

На экране появилась фотография корабля.

— Команда отправилась к Марсу. Их человек 13, включая пса и робота.

— Кто командир?

Петрушка сделал паузу.

— Мицар.

Путченков нахмурился. Это имя было ему знакомо. Он знал многих лидеров, президентов, мафиози, султанов. Но эта персона выделялась особенно.

— Эта девочка?

— Да. Но она не обычный ребенок. У нее есть опыт боевых действий. Она командует людьми, которые старше ее в несколько раз. Сами понимаете, товарищ Комиссар Путченков, это можно заслужить лишь личностными качествами.

На экране появились фотографии: Мицар рядом с экипажем, Мицар в бою, Мицар с собакой. Путченков долго смотрел на изображение, пытаясь понять, как она смогла подчинить себе не просто взрослых людей, а настоящих головорезов, пиратов, которые легко отделяют мачете голову от тела.

— Она отправилась за грузом?

— Уверен.

— Значит, у нее будет и антивещество, и инопланетная технология.

Он медленно сжал кулак.

— И она может стать опаснее любого государства.

Петрушка молчал.

— Она может решить, что имеет право изменить мир, — продолжил Виктор Семёнович.
— А такие люди всегда опасны.

Он ударил пальцами по столу.

— Потому что сначала они хотят спасти человечество...

Пауза.

— ...а потом человечество приходится спасать от них.

Путченков ударил ладонью по столу так резко, что лежавшие на нем документы прыгнули, а стоявшая рядом чашка с водой задрожала. Его лицо исказилось не столько от ярости, сколько от тревоги, которую он терпеть не мог показывать даже самому себе. Верховный Комиссар привык считать, что контролирует всё: Москватаун, армию, разведку, остатки

промышленности, даже судьбу тех немногих территорий, где еще существовала человеческая цивилизация. Любая переменная, которую он не мог просчитать, воспринималась им как личное оскорбление.

— Девчонка... — медленно произнес он, глядя на фотографию Мицар на экране. — Шестнадцать лет. Командует кораблем. И взрослые мужики идут за ней.

Он приблизил изображение, рассматривая ее лицо. Там не было страха, не было сомнений, которые он привык видеть у людей вокруг себя. Взгляд девочки на снимке был спокойным и сосредоточенным. Она держала ответственность за других, и именно это раздражало Путченкова сильнее всего. Не возраст. Не пол. Не происхождение. А то, что кто-то другой получил власть не через страх.

— Она напоминает мне... — начал он и замолчал.

Петрушка осторожно поднял глаза.

— Кого, товарищ Верховный Комиссар?

Виктор Семёнович ничего не ответил. Он не любил сравнивать себя с кем-либо, даже с теми, кого считал великими. Для него существовал только один центр силы — он сам.

— Что известно о ее корабле? — спросил он уже холоднее.

Начальник разведки быстро пролистал данные.

— «Старшип». Последняя модификация. Искусственный интеллект управления, система самовосстановления, антивещество в качестве источника энергии. Точный запас неизвестен. По нашим расчетам, достаточно для дальнего перелета и маневров.

— Значит, у нее есть то, чего нет у нас, — прошептал Путченков.

Он поднялся из-за стола и подошел к окну. За толстым стеклом виднелся купол Москва-тауна. Город никогда не спал: внутри него работали заводские цеха, военные комплексы, фермы гидропоники, системы очистки воздуха. Снаружи была мертвая равнина — выжженная, покрытая пылью и обломками старого мира. Купол казался последним пузырем человечества, но Путченков прекрасно понимал: любой пузырь можно пробить.

— Марс... — произнес он. — Сначала они хотели спасти человечество. Теперь они нашли там нечто, что может изменить всё.

Он повернулся.

— А мы?

Петрушка молчал.

— Мы тоже должны это получить. Инопланетные технологии. Тогда вся Земля и Марс впридачу станут моими. Мы распространим военный коммунизм на две планеты!

— Товарищ Верховный Комиссар, — осторожно сказал генерал, — если Мицар действительно обладает таким кораблем, прямое столкновение может быть опасным. У нее опытные люди, боевые машины, возможно, даже доступ к технологиям, которых мы не понимаем.

Путченков медленно подошел к нему.

— Генерал, — сказал он тихо, — вы сейчас хотите сказать мне, что какая-то девочка с группой пиратов опаснее армии Москватауна?

Петрушка сглотнул.

— Нет, товарищ Верховный Комиссар.

— Правильно.

Виктор Семёнович снова сел в кресло и задумчиво постучал пальцами по столу.

— Но ты прав в одном. Нельзя недооценивать противника.

Он снова посмотрел на изображение Мицар. Генерал-майор с тревогой ждал приказа. Однако Путченков откинулся в кресле. В его глазах снова появилась уверенность.

— Марс... Земля... инопланетная технология... Всё это теперь одна партия.

Он усмехнулся.

— А я всегда умел играть в шахматы.

За окном над куполом Москватауна поднималась искусственная ночь. Гигантские прожекторы освещали стены города, а на центральной площади рабочие колонны продолжали строить новые оборонительные сооружения.

Потому что где-то далеко, за миллионами километров, на красной планете просыпалась сила, которую никто не понимал.

И Верховный Комиссар России решил, что она должна принадлежать ему.

— Итак, у нас в резерве есть корабль «Буран-3.0» из старой советской программы, — тихо сказал Петрушка.

На главном экране кабинета возникла трехмерная модель аппарата. Перед глазами Путченкова и начальника разведки появился массивный космический шаттл с черными теплозащитными плитами на брюхе, короткими крыльями и мощной спиной, соединенной с огромной ракетой-носителем. Старый, но внушительный аппарат словно пришел из другого времени — из эпохи, когда человечество еще не думало о выживании в куполах и войнах за последние ресурсы.

Программа «Буран-Энергия» была одним из величайших инженерных проектов старой Земли. Советские конструкторы создавали многоразовый космический комплекс, способный выводить на орбиту тяжелые грузы, военные системы, станции и космические корабли. В отличие от американских шаттлов, где основная нагрузка лежала на самом аппарате, советский вариант использовал гигантскую ракету-носитель «Энергия», которая могла поднимать в космос десятки тонн полезного груза.

Сам «Буран» был орбитальным кораблем: он мог стартовать, работать в космосе, возвращаться через плотные слои атмосферы и садиться почти как самолет. Его теплозащита состояла из тысяч отдельных керамических элементов, каждый из которых выдерживал чудовищный нагрев при входе в атмосферу. В свое время это считалось вершиной человеческой техники.

Но программа прожила недолго. Из-за экономических проблем, распада государств и изменения приоритетов корабли оказались забыты на складах и в ангарах. Большинство экземпляров уничтожило время, а некоторые просто сгнили под открытым небом.

— Да, товарищ Верховный Комиссар, — кивнул Петрушка. — Еще пять лет назад наши люди случайно раскопали этот антиквариат на складах бывшего производственного объединения «Молния». Аппарат считался непригодным, но инженеры восстановили часть систем.

Виктор Семёнович смотрел на изображение «Бурана» с неподдельным интересом.

Для него старая техника никогда не была просто металлом. Любой механизм, который мог дать преимущество, становился оружием.

Он нажал кнопку связи.

— Вызвать министра обороны Сергея Сильдереевича Сидорова и командира спецназа «Серп и молот» Андрея Малахитова.

Ответ последовал мгновенно:

— Будет исполнено, товарищ Верховный Комиссар.

После этого кабинет погрузился в тишину.

Только гудели системы вентиляции и тихо работали экраны. Петрушка сидел неподвижно, время от времени переводя взгляд на изображение «Бурана». Он пытался понять замысел Комиссара, но тот не спешил делиться своими мыслями.

Виктор Путченков был мастером держать людей в неопределенности. Он считал, что страх неизвестности иногда действует сильнее любых угроз. Пока человек не знает, что его ждет, он начинает сам придумывать самые страшные варианты.

Через двадцать минут селектор ожил.

— Сидоров и Малахитов прибыли.

— Пусть войдут.

Дверь кабинета начала открываться с тяжелым механическим гулом. Она больше напоминала не обычный вход, а массивный банковский шлюз или герметичный люк военного бункера. Несколько сантиметров бронированной стали разошлись в стороны, открывая проход. Защита была рассчитана не только против оружия, но и против возможных аварий внутри комплекса: взрыва, пожара, разгерметизации.

В кабинет строевым шагом вошли два человека.

Министр обороны Сергей Сильдереевич Сидоров выглядел как человек, который пережил слишком много войн. Ему было около шестидесяти лет, но крепкое телосложение и военная выправка скрывали возраст. Его лицо было покрыто шрамами, один проходил через бровь и уходил к виску. Он носил тяжелый черный мундир с минимальным количеством знаков отличия — в отличие от многих чиновников, он не любил демонстрировать награды. Его оружием всегда была власть армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.